

Брэм Стокер

Золотые страницы приключений

ПРОКЛЯТИЕ МУМИИ,
ИЛИ КАМЕНЬ СЕМИ ЗВЕЗД

КЛУБ
СЕРИОЗНЫХ
ЛЮБИТЕЛЕЙ

Золотые страницы приключений

Брэм Стокер

**Проклятие мумии, или
Камень Семи Звезд**

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

1907

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ

Стокер Б.

Проклятие мумии, или Камень Семи Звезд / Б. Стокер —
Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 1907 — (Золотые
страницы приключений)

В жизнь двух влюбленных, Малькольма и Маргарет, вторгаются странные и загадочные события. Отец девушки, известный египтолог, обнаружил мумию царицы Теры. Легенда гласит: она добровольно ушла из жизни, чтобы воскреснуть через тысячелетия. Решив разгадать тайну мумии, герои даже не представляли, чем это для них обернется...

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ

© Стокер Б., 1907
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 1907

Содержание

Предисловие	6
Проклятие мумии, или Камень Семи Звезд	10
Глава I	10
Глава II	17
Глава III	23
Глава IV	30
Глава V	37
Глава VI	45
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Брэм Стокер

Проклятие мумии, или Камень Семи Звезд

Элеоноре и Констанции Хойт

© DepositPhotos.com / Andrey Kuzmin, обложка, 2014

© Shutterstock.com / Triff, обложка, 2014

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2014

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2014

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Предисловие

Даниэль Фарсон, внучатый племянник Стокера и главный его биограф, написал: «Брэм Стокер долгое время оставался одним из наименее известных авторов одной из наиболее известных книг». И это – чистая правда. Биографические статьи о Стокере на удивление скупы и коротки, хотя его жизнь просто изобилует интересными, а иногда и совершенно загадочными фактами.

Многие события его жизни до сих пор являются тайной или предметом всевозможных спекуляций. Писатель не оставил о себе записок или воспоминаний, не давал развернутых интервью, поэтому его биографы вынуждены полагаться только на государственные архивы, которые содержат лишь официальные или косвенные свидетельства о его жизни. А этого, конечно, недостаточно, чтобы составить целостную картину человеческой судьбы.

Мы знаем, что Абрахам Стокер родился в ирландском Дублине 8 ноября 1847 года и был третьим из семи детей. Отец его, носивший такое же имя, был государственным служащим. Происходили Стокеры из интересной среды – протестантов, живших в столице католической Ирландии. Однако никаких свидетельств о трудностях взаимоотношений семьи с соседями враждебного вероисповедания не сохранилось.

Детство его омрачилось тяжелой болезнью, до семи лет он был прикован к постели, практически не мог ходить, однако достоверных сведений о конкретных симптомах или диагнозе его заболевания ни один из его биографов не приводит. Это особенно любопытно, потому что впоследствии он вырос в крупного, два метра ростом, сильного мужчину. В колледже, подобно своему более знаменитому младшему современнику, Артуру Конан Дойлу, Стокер прославился как легкоатлет и футболист, одноклассники называли его не иначе как рыжим гигантом.

Исследователи считают, что именно в детском возрасте, во времена, когда он вынужден был постоянно находиться в помещении, в замкнутом пространстве, как раз и развилось его мрачное воображение, которое щедро подпитывала его мать Шарлотта Матильда Блэйк-Торнли. Как многие матери знаменитых писателей, она была весьма интересной личностью, сумевшей, несмотря на многодетность и большую разницу в возрасте с мужем (Абрахам Стокер-старший был старше на девятнадцать лет), сохранить жизнелюбие и индивидуальность. Она развлекала недужного ребенка легендами Слайго, кельтской провинции на южном берегу Ирландии, которые изобиловали всевозможными призраками, драконами и нечистой силой. Именно в этих краях были популярны рассказы об аристократах, ночью превращающихся в летучих мышей и пьющих кровь своих крестьян. Именно в эти годы и именно от нее Брэм Стокер услышал самую первую версию истории о Дракуле, которая впоследствии вписала в историю его собственное имя.

Некоторые биографы считают, что Шарлотта, а через нее и Абрахам-младший, являлась прямым потомком Магнуса О’Доннела Великолепного (1517–1563) – одного из самых известных людей в ирландской истории, человека, владевшего почти всей Ирландией, олицетворявшего ее независимость от Англии. Брэм Стокер отлично знал свою родословную, гордился принадлежностью к древнему уважаемому роду, чувствовал ответственность, которую накладывает столь почетное происхождение.

В возрасте семи лет Брэм Стокер внезапно, что стало большим сюрпризом для его врачей, выздоровел и стал вести привычную для его сверстников жизнь, а в 1864 году поступил в Тринити-колледж в Дублине. До 1870 года он штудировал там как историю и литературу, так и физику с математикой. Тринити-колледж, хотя и назывался колледжем, на самом деле был и до сих пор является частью знаменитого Дублинского университета. Во время учебы Стокер написал интересную работу по теории литературы, которая называлась «Сен-

сационность в романе». В Викторианскую эпоху сенсационность, а именно использование в сюжете литературных произведений преступлений, мрачных суеверий или тому подобных вещей, осуждалась. Считалось, что писать в угоду публике, слишком уж стараться ее развлечь и поразить, а стало быть, писать сенсационно – дурной вкус. То есть именно тогда, сто с лишним лет назад, литераторы и критики почувствовали разницу между литературой нравоучительной и литературой развлекательной. На самом деле в обоих случаях речь шла об утилитарной функции литературы, то есть о произведениях, чуждых истинного искусства. Стокер публично оправдывает эту самую сенсационность, утверждая, что сенсационность и подлинное искусство весьма легко могут уживаться. Он приводил в пример Эдгара По и своего любимого Уолта Уитмена.

Во время учебы Стокер вступил в университетское философское общество и вскоре стал его председателем. Затем он с отличием окончил университет (позже он вернулся туда, чтобы получить степень магистра), и ему, в сущности, оставался всего один шаг до блестящей карьеры. Но, как и его отец, Брэм Стокер-младший не имел сколько-нибудь серьезных карьерных амбиций, он пошел по стопам отца и десять лет прослужил клерком в офисе вице-короля.

Но на самом деле Стокер всегда хотел писать. Будучи страстным поклонником театра, он начал с регулярных рецензий для газеты «Дублин Ивнинг Мэйл». Там он познакомился с другим большим готическим писателем, одним из основателей этого жанра, Джозефом Ле Фаню, которого позже современники назвали ирландским Эдгаром По. Стокер не стал выдающимся критиком, но зато встретил в театральной среде человека, сыгравшего очень важную роль в его жизни.

В 1876 году, когда Стокеру было двадцать девять лет, его представили известному и талантливому актеру Генри Ирвингу. Конечно, Стокер видел Ирвинга много раз и раньше, на сцене, и восхищался им, он был свидетелем становления этого великого британского артиста. Стокер и Ирвинг стали близкими друзьями, и вскоре Стокер стал управляющим театра Ирвинга, который назывался «Лицеум». Должно быть, Стокер был вполне удовлетворен и счастлив этой работой, потому что занимался ею целых двадцать семь лет, начиная с 1878 года и до самой смерти Ирвинга в октябре 1905 года.

Дружба и сотрудничество с Ирвингом в корне изменили жизнь тихого клерка. Ирвинг ввел Стокера в высшие литературные и художественные круги Лондона.

В 1878 году Стокер женился на Флоренс Бэлкомб, известной своей красотой в духе префаэлитов. На ее руку претендовал также и молодой Оскар Уайльд. Однако Флоренс поступила, как показало время, совершенно правильно, выбрав менее блестящего, но гораздо более стабильного и надежного Стокера.

Стокер и Уайльд, несмотря на этот инцидент, сохранили добрые взаимоотношения, и более того, Стокер был принят в литературный кружок Уайльда, в который время от времени наведывались все более или менее выдающиеся представители британской культуры той эпохи.

Брэм Стокер встречался со многими ведущими художественными и общественными деятелями своего времени, он дружил с Артуром Конан Дойлом, лордом Альфредом Теннисоном, Уильямом Батлером Йетсом, Марком Твенем, художником Джеймсом Уистлером, встречался с американскими президентами Уильямом Маккинли и Теодором Рузвельтом.

Единственный сын Брэма Стокера Ноэль родился в 1879 году.

В 1882 году Стокер опубликовал первые плоды своих литературных усилий, это был сборник сказок для детей. Однако викторианские мамы и гувернантки не оценили его трудов. Слишком уж мрачными, слишком простонародными казались им истории про гномов и ведьм.

Совершенно очевидно, что Стокер был человеком значительной энергии и таланта. Он руководил театром Ирвинга, читал лекции, много путешествовал, ездил с гастролями вместе с театром. Помимо художественных произведений – а он написал кроме «Дракулы» еще несколько романов – им были созданы и весьма интересные научно-популярные работы.

Его первый роман «Перевал Змеи» был опубликован в 1890 году. В том же году он приступил к написанию своего самого знаменитого детища – «Дракулы». Однако опубликовать его он решился только в 1897 году в издательстве Арчибальда Констебля, основательно в течение семи лет проштудировав похожие сюжеты в фольклоре многих стран Европы, особенно Европы Восточной. Его особое внимание привлекла история трансильванского господаря Влада Цепеша, который и считается основным историческим прототипом Дракулы.

Сюжет о вампире, впервые литературно изложенный Стокером, уже более ста лет продолжает волновать воображение читающей публики, порождая все новые и новые варианты и аллюзии. Книга же Стокера никогда не переставала публиковаться. По этому сюжету было снято 120 фильмов, которые породили очень популярную ныне кинематографическую традицию фильмов-ужасов. В этом смысле по влиянию, оказанному на массовую культуру XX–XXI веков, Брэм Стокер, возможно, даже превосходит Артура Конан Дойла.

Роман о Дракуле Стокер посвятил своему близкому другу Холлу Кейну. Однако самой страстной поклонницей этой книги была мать писателя Шарлотта Блэйк-Торнли.

Восстанавливаясь после инсульта, сразившего его после смерти Ирвинга, Стокер написал книгу, которую назвал «Личные воспоминания о Генри Ирвинге» (1906). В промежутке между этими значительными произведениями он опубликовал также роман «Тайна моря» (1902), в котором большое внимание уделил роли женщин в истории человечества и в современном ему обществе.

В последние годы жизни здоровье Стокера резко ухудшилось. Причины его смерти так и не были выяснены доподлинно, что породило массу некрасивых спекуляций. Официальные биографы были сдержанны, поэтому обстоятельства кончины писателя остаются загадкой. Недавно Даниэль Фарсон, которого мы упоминали вначале, опубликовал свидетельство о смерти Стокера, в котором в качестве причины смерти писателя значится медицинская атаксия опорно-двигательного аппарата, которая была известна в те дни как общий паралич мозга. По мнению Фарсона, этот диагноз может означать, что приблизительно на рубеже веков Стокер заразился сифилисом и впоследствии умер от него 20 апреля 1912 года в возрасте шестидесяти четырех лет. В наши дни эта болезнь может показаться скандальной и оидозной, однако в Викторианскую эпоху, когда безопасный секс был еще неведом цивилизации, сифилисом болели во всех слоях общества. От него не могли спастись даже почтенные матроны, ни разу в жизни не остававшиеся наедине с посторонним мужчиной. Им сифилис приносили их неблагонравные мужья, охотно посещавшие дома терпимости, что тоже было в порядке вещей. Впрочем, остается реальной и версия «инсульт». Стокер перенес их несколько в последние годы жизни.

Стокера кремировали, его останки находятся ныне в колумбарии крематория Голдерс Грин в Лондоне.

Роман, который мы представляем вашему вниманию, был написан в 1907 году. В нем писатель отдает дань всеобщему увлечению образованной публики на рубеже XIX и XX веков – оккультизму. Стокер был членом ордена Золотой Зари – самой известной в Европе организации масонского толка, действовавшей как раз во второй половине XIX века и первой трети XX-го. Члены ордена Золотой Зари, в отличие, например, от масонов американских, были чужды политики. Будучи людьми просвещенными в области наук, они искали какую-то точку в области человеческих знаний, где наука могла бы сойтись с магией. Они хотели научиться управлять биологическим течением своей жизни, а еще точнее – искали бессмертия. Египетская мифология, соединенная с опытом средневековых арабских алхи-

миков, каббалистов и христианских мистиков, казалась этим людям, и в их числе Стокеру, весьма перспективной в этом вопросе. Ядром их учения было представление о том, что аскетичный и просвещенный человек, пройдя определенные магические ритуалы, может покинуть свое физическое тело и вечно путешествовать по миру в виде бесплотного духа. При этом он имеет возможность при соответствующих обстоятельствах вернуться в свое или другое подходящее тело по собственному желанию. «Проклятие мумии, или Камень семи звезд» – роман об этом. Но не только. Еще это потрясающе тонкое романтическое произведение Викторианской эпохи. Стокер удивительным образом в мелких деталях и нюансах передает образ мыслей и чувств джентльмена своего времени, благоговейного перед избранницей своего сердца. Этот настрой, эта искренность и благородство души рассказчика, которые мастерски передает автор, возможно, являются самым привлекательным достоинством романа.

По настоятельной просьбе издателя Стокер вынужден был изменить финал романа, превратить его в хеппи-энд. В таком виде эта книга и дошла до нас. Но вы, читатель, конечно, почувствуете, что завершиться так, как мы это видим, роман просто не мог, и вы сами закончите его для себя. Эта особенность книги дает читателям возможность участвовать в событиях.

Нашел ли Абрахам Стокер за порогом могилы то, что искал, – возможность путешествовать по миру в виде бесплотного духа, – мы никогда не узнаем. Но мы благодарны этому писателю за то, что он подарил человечеству незабываемые образы, которые оказались близкими многим поколениям читателей.

Проклятие мумии, или Камень Семи Звезд

Глава I Ночной посыльный

Все казалось таким реальным, что мне почти не верилось, будто это уже случилось раньше. Однако каждое следующее событие происходило не по логике развития – я как бы наперед знал, что произойдет в следующий миг. Так память играет с нами, перемешивая добро и зло, наслаждение и боль, благо и несчастье. Именно благодаря этому жизнь приобретает сладко-горький вкус, а то, что свершилось, становится вечным.

Я вижу, как легкий ялик с поднятыми веслами, замедляя движение, скользит по тихим водам прочь от неистового июльского солнца в прохладную тень, отбрасываемую ветвями старых ив. Я стою в раскачивающейся лодке, она сидит молча, ловкими пальцами отводя надвигающуюся листву и длинные гибкие ветки. Под пологом зелени я вижу воду золотисто-медового цвета и заросший травой берег, играющий всеми оттенками изумруда. И вновь я вижу, как мы сидим в прохладной тени, окруженные мириадами звуков первозданной природы: доносящиеся из-за нашего укрытия и возникающие внутри его, они сливаются в один сплошной умиротворяющий шум, который заставляет забыть, что где-то существует и другой огромный мир, наполненный своими волнениями, тревогами и еще более волнующими радостями. И вновь я вижу, как в этом блаженном уединении юная дева, позабыв все правила чопорного и строгого воспитания, обращаясь ко мне, произносит слова, которые услышишь только в сновидениях. Она рассказывает об одиночестве, наполнившем ее новую жизнь. С грустью она поведала о том, что в их огромном доме все угнетены безмерным богатством ее отца и ее самой, что доверию к ближнему и состраданию там не осталось места и даже лицо ее отца теперь казалось таким же далеким, как и их прошлая деревенская жизнь. И вновь мудрость мужчины и опыт прожитых лет были брошены к ногам молодой женщины. Это как будто произошло по их собственной воле, поскольку осознание своего «Я» не принимало никакого участия в принятии решений, лишь подчиняясь приказу. И вновь быстролетные мгновения начали бесконечно множиться, потому что одной из тайн мира сновидений является возможность слияния и обновления различных реальностей, которые остаются самостоятельными, подобно тому, как игра отдельных музыкантов сливается в прекрасную фугу. Итак, память в моем сне закружилась в безумном танце, все быстрее и быстрее.

Наверное, идеальной безмятежности не бывает. Даже в самом Эдеме среди ветвей древа познания добра и зла кажет свою голову змий. Тишина ночи взорвалась грохотом низвергающейся лавины; шипением внезапного наводнения; гудением клаксона автомобиля, оповещающего спящий американский город о своем продвижении по его улицам; грохотом лопастей парохода, плывущего где-то в море... Что бы это ни было, оно разрушило волшебство моих грез. Зеленый балдахин над нашими головами, сотканный из переплетающихся ветвей и усыпанный алмазами пробивающегося сквозь листву света, задрожал в такт непрекращающимся ударам, а неугомонный звон, казалось, не смолкнет никогда...

Неожиданно ворота сна широко распахнулись, и мои уши уловили причину раздражающих звуков. Пробуждение оказалось прозаично – где-то на улице кто-то стучал в дверь и звонил в дверной звонок.

За время своей жизни в квартире на Джермин-стрит я уже успел привыкнуть к доносящимся с улицы звукам. Ни бодрствуя, ни во сне я не обращал внимания на жизнь своих

соседей, какой бы шумной она ни была. Но этот звук был слишком продолжительным, слишком настойчивым и повелительным, чтобы на него можно было не обратить внимания. За этим бесконечным звуком скрывались осмысленные действия, требующие быстроты решений, а за осмысленными действиями – какая-либо срочная нужда или тяжелые душевные переживания. Я не был эгоистом, и при мысли о чьей-то нужде я недолго думая поднялся с кровати. Инстинктивно я взглянул на часы: было всего три часа утра. Через зеленую штору, закрывавшую окно, просвечивал неровный серый круг. Стало очевидным, что звонят и стучат в дверь именно нашего дома, также стало очевидным, что в доме не было никого бодрствующего, кто мог бы открыть дверь. Накинув халат и сунув ноги в тапочки, я спустился к двери в прихожей. Когда я открыл ее, то увидел приличного вида грума, который одной рукой настойчиво нажимал на кнопку электрического звонка, а другой непрерывно стучал дверным молотком. В ту же секунду, как он увидел меня, шум прекратился. Одна его рука потянулась к козырьку шляпы, а другой он вынул из кармана письмо. Перед входом стоял изящный экипаж, лошади, впряженные в него, тяжело дышали, будто только что неслись изо всех сил. Рядом стоял привлеченный шумом полисмен, на поясе которого висел все еще зажженный ночной фонарь.

– Прошу прощения за беспокойство, сэр, но я получил четкие указания. Мне велено не терять ни секунды и стучать в дверь и звонить, пока кто-нибудь не откроет. Скажите, сэр, здесь ли проживает мистер Малькольм Росс?

– Мистер Малькольм Росс – это я.

– В таком случае это письмо вам, сэр, и экипаж тоже для вас.

С чувством крайнего любопытства я взял у него письмо. Работая адвокатом, я иногда сталкивался, конечно, с разного рода неожиданностями, в том числе и срочными вызовами, но подобного еще не случалось. Я отступил в глубь коридора, прикрыв дверь, но не захлопнув ее, и включил электрический свет. Письмо было написано незнакомым мне женским почерком. Оно начиналось без обычного вступления типа «Дорогой сэр» или чего-либо в этом роде:

«Вы говорили, что, если мне понадобится помощь, вы готовы помочь. Я верю, что вы говорили серьезно. Такой момент настал раньше, чем я ожидала. Я попала в ужасную беду и не знаю, как поступить или к кому обратиться. Было совершено покушение на моего отца. Слава Богу, он жив, но сейчас без сознания. Я вызвала врача и полицию, но я никому не могу доверять. Если у вас есть такая возможность, приезжайте немедленно и простите меня, если сможете. Думаю, что позже я осознаю, чем буду вам обязана, если вы откликнетесь на мою просьбу, но в эту секунду я не в состоянии трезво мыслить. Приезжайте немедленно! Мэргарет Трелони».

Пока я читал письмо, боль и ликование боролись в моей душе, но главной была мысль о том, что, попав в беду, она обратилась ко мне. Ко мне! Выходит, мой сон о ней был в руку. Я крикнул груму:

– Подождите! Через минуту я выйду! – И побежал наверх. Пары минут хватило, чтобы умыться и одеться, и вот мы уже мчимся по улицам со всей скоростью, на какую способны лошади. В то утро работали базары, и, выехав на Пиккадилли, мы увидели бесконечные потоки телег, стекающих в город с запада, но дальше дороги были свободны, и мы продвигались довольно быстро. Я попросил грума сесть со мной в экипаж, чтобы по дороге он рассказал мне, что произошло. Сев, он положил свою шляпу на колени и держался довольно напряженно. Вот что я услышал.

– Сэр, мисс Трелони послала человека, чтобы тот передал нам ее распоряжение – немедленно готовить экипаж. Когда мы все сделали, она пришла сама, дала мне письмо и

приказала Моргану – это извозчик – мчаться. Мне она велела не терять ни секунды и стучать в дверь до тех пор, пока кто-нибудь откроет.

– Да, это я знаю, знаю, вы уже рассказывали! Я хочу узнать, почему она послала за мной. Что произошло в доме?

– Я точно не знаю, сэр, слышал только, что хозяина нашли в его комнате без сознания, с раной на голове, а все простыни залиты кровью. Его не удалось привести в чувство. А нашла его сама мисс Трелони.

– Как могло случиться, что именно она нашла его в такое время? Если я правильно понимаю, все произошло глубокой ночью?

– Я не знаю, сэр, подробностей я не слышал.

Поскольку грум больше ничего не мог мне рассказать, я остановил на минуту экипаж, чтобы дать ему возможность вернуться на свое место, и стал размышлять в одиночестве. В голове роилось еще множество вопросов, которые следовало бы задать слуге, но возможность была упущена, и я разозлился на себя. Однако, поразмыслив, я пришел к выводу, что тактичнее будет все-таки услышать интересующую меня информацию из уст самой мисс Трелони, а не расспрашивать ее слуг.

Не замедляя скорости, мы обогнули Найтсбридж. Мерный шум хорошо отлаженного механизма коляски гулким эхом разносился по улицам в утренней тиши. Мы свернули на Кенсингтонплейс-роуд и наконец остановились у большого дома по левой стороне, который находился, насколько я мог судить, ближе к Ноттинг-хиллу, чем к кенсингтонскому концу улицы. Это был прекрасный дом, благодаря не только своим размерам, но и архитектуре. Даже в тусклом утреннем свете, который зрительно все уменьшает, дом казался огромным.

Мисс Трелони встретила меня в холле, и она вовсе не выглядела подавленной. С видом уверенной в себе хозяйки она раздавала указания, руководя всем происходящим, что не могло не удивлять при ее мертвенной бледности и крайнем возбуждении. В большом холле находились и слуги: несколько стоящих рядом мужчин у входной двери и кучки жмущихся друг к другу женщин в дальних углах зала и у дверей в комнаты. Офицер полиции разговаривал с мисс Трелони, рядом стояли двое в форме и один человек в штатском. Когда она судорожно схватила протянутую мною руку, в ее глазах появилось облегчение. Невольно она даже вздохнула так, будто у нее отлегло от сердца. Ее приветствие было кратким:

– Я знала, что вы приедете.

Рукопожатие может свидетельствовать о многом, даже если в него не вкладывается никакой смысл. Рука мисс Трелони как будто потерялась в моей. Не то чтобы ее рука была очень маленькая – она была изящной и гибкой, с длинными тонкими пальцами, необычайно красивая, ее ладонь как бы искала убежища в моей. В тот миг меня охватило чрезвычайное волнение, истинную причину которого я осознал позже.

Повернувшись к офицеру, она сказала:

– Это мистер Малькольм Росс.

– Я знаю мистера Малькольма Росса, мисс. Возможно, он помнит, что я имел честь работать с ним над делом о брикстонском монетном дворе.

До того все мое внимание было сосредоточено на мисс Трелони и я не обращал внимания на офицера.

– Ну конечно же, офицер Долан, я вас прекрасно помню! – воскликнул я, протягивая ему руку. Я не мог не заметить, что факт нашего знакомства немного успокоил мисс Трелони. Я отметил некоторую тревогу в ее взгляде и почувствовал, что ей проще было бы разговаривать со мной наедине. Поэтому я сказал офицеру:

– Возможно, будет лучше, если я поговорю с мисс Трелони с глазу на глаз. Вы, разумеется, уже слышали от нее все, что она могла рассказать, а мне будет легче разобраться

в ситуации, если я смогу по ходу рассказа задать какие-то вопросы. Потом, если позволите, я все обговорю с вами.

– Я буду рад помочь вам, чем смогу, сэр, – с воодушевлением откликнулся он.

Следуя за мисс Трелони, я прямо из холла прошел в изысканно обставленную комнату, окна которой выходили в сад за домом. Когда я закрыл за собой дверь, мисс Трелони обратилась ко мне:

– За то, что вы отозвались на мою просьбу, я поблагодарю вас позже, а пока, мне кажется, будет лучше, если вы обо всем узнаете как можно скорее.

– Прошу вас, – обратился я к ней, – расскажите мне все, что знаете, не упуская самых незначительных деталей, какими бы несущественными сейчас они вам ни казались.

Не теряя ни минуты, она начала:

– Меня разбудил какой-то неясный шум. Я не знаю, что это было, но только шум этот проник в мой сон – я проснулась оттого, что у меня бешено колотилось сердце. Я начала вслушиваться в этот шум, и оказалось, что он доносился из комнаты отца. Наши комнаты расположены рядом, и, прежде чем заснуть, я часто слышала, как он ходит по комнате. Он всегда работает допоздна, порой всю ночь напролет; иногда даже, просыпаясь по утрам, я слышала, что он все еще работает. Такая работа не могла не отразиться на его здоровье – однажды я даже попыталась уговорить его отказаться от этой привычки. Но моя попытка не увенчалась успехом, и больше на эту тему я с ним не разговаривала. Вы же знаете, каким строгим и холодным он может быть; по крайней мере, возможно, вы помните, что я вам о нем рассказывала. Страшнее всего, когда он становится вот таким отрешенно вежливым. Знаете, мне намного спокойнее видеть его в гневе, чем спокойным, обдумывающим каждое свое слово. Когда уголки его губ поднимаются и показываются острые зубы, я начинаю чувствовать... Не знаю, как это выразить. Ночью я тихо поднялась с постели и постаралась неслышно подкрасться к двери, потому что ужасно боялась его побеспокоить. Не слышно было ни звука, ни какого-либо движения, ни криков, доносился лишь какой-то странный шум, будто что-то тянули по полу, и еще – тяжелое, медленное дыхание. Боже! Это было ужасно. Ждать там в темноте и тишине и ощущать страх перед неизвестностью...

Наконец я собралась с духом и, медленно повернув ручку, чуть-чуть приоткрыла дверь. Внутри было очень темно, я смогла различить лишь контуры окон. Но в этой темноте звук дыхания, ставший более громким, пугал еще больше. Пока я вслушивалась, дыхание не прекращалось, но других звуков не было слышно. И тут я резко открыла дверь. Знаете, я побоялась открывать дверь медленно: в ту минуту мне казалось, что за дверью прячется нечто ужасное, готовое броситься на меня! Потом я включила электрический свет и шагнула в комнату. Первым делом я посмотрела на кровать. Одежда и простыни были скомканы, значит, отец все-таки ложился спать, но ужас охватил меня, когда в самом центре кровати я увидела большое красное пятно, расплывшееся к краям. Пока я на него смотрела, звук дыхания переместился по комнате, и мой взгляд проследовал в том же направлении. Я увидела отца, лежащего на правом боку, с подогнутой под себя рукой, как будто его бесчувственное тело швырнули на пол. Кровавый след тянулся к телу от самой кровати, и вокруг него начинала образовываться темная лужа. Когда я наклонилась, чтобы осмотреть отца, темно-красный цвет крови и поблескивание ее в призрачном свете показались мне ужасными. Он лежал прямо перед дверью большого сейфа. На нем была пижама, левый рукав которой был порван, а его рука была вытянута по направлению к сейфу. Она выглядела ужасно, вся в крови, а вокруг золотого браслета на запястье был вырван или вырезан кусок плоти. Я и не знала, что он носит такой браслет, и была потрясена еще больше.

Ее рассказ на миг прервался, и я, воспользовавшись моментом, решил немного ее успокоить, направив разговор в другое русло.

– Ну, меня это не удивляет. Браслет может носить кто угодно. Однажды я видел судью, приговаривающего человека к смертной казни, и на руке, которую он поднял, зачитывая приговор, блестел золотой браслет.

Она будто вовсе не обратила внимания ни на мои слова, ни на их смысл; однако небольшая пауза несколько успокоила ее, и она продолжила более ровным голосом:

– Я побоялась, что он может истечь кровью, поэтому незамедлительно позвонила в колокольчик и, выйдя из комнаты, начала звать на помощь изо всех сил. Наверное, очень быстро – хотя мне показалось наоборот, что я ожидала чересчур долго, – прибежали слуги, и через какое-то время вся комната заполнилась испуганными людьми в ночных рубашках, с растрепанными волосами.

Мы переложили отца на диван, и миссис Грант, экономка, которая одна среди нас оказалась способной соображать, начала осматривать его, чтобы выяснить, откуда хлещет кровь. Почти сразу стало ясно, что кровь идет из оголенной руки. На ней у запястья была глубокая рана, не такая, которая остается после пореза ножом, а рваная, с неровными краями. Похоже, именно в том месте была задета вена. Миссис Грант завязала на ране носовой платок и крепко затянула его ножом для резки бумаги. Кровотечение сразу же прекратилось. К тому времени я уже почти пришла в себя и кое-как могла справиться с мыслями: одного человека я послала за доктором, а другого за полицией. Когда они ушли, я осознала, что, если не считать слуг, я осталась в доме совсем одна. Я не понимала, что случилось с отцом, что вообще здесь произошло, и мне очень захотелось, чтобы рядом был кто-то, способный мне помочь. И тут я вспомнила о вас и о вашем любезном предложении помощи, которое вы сделали в лодке под ивой. Я тут же, не задумываясь, отдала распоряжение готовить экипаж, быстро набросала записку и отправила ее вам.

Она умолкла. В тот миг мне не хотелось, чтобы она увидела, какие чувства охватили меня. Я взглянул на нее, и, мне кажется, она все поняла, потому что, когда ее взгляд встретился с моим, она несколько секунд не отводила глаз. Потом ее щеки зарделись, как пионы, и она опустила глаза. Преодолев замешательство, она продолжила рассказ:

– Доктор прибыл очень быстро. Грум встретил его, когда тот открывал дверь своего дома. Прибжав сюда, он наложил на руку несчастного отца жгут, а потом отправился домой за необходимыми инструментами. Надеюсь, он с минуты на минуту вернется. Затем прибыл полицейский и отправил сообщение в участок. Следом приехал старший полицейский офицер, а за ним – вы.

Довольно долго мы сидели молча. Потом я решился взять ее за руку, и мы, не произнеся ни слова, открыли дверь и вышли к полицейскому офицеру в холл. Он поспешил к нам, говоря на ходу:

– Я все осмотрел лично и отправил сообщение в Скотленд-Ярд. Видите ли, мистер Росс, в этом деле столько всего непонятного, что я решил, что будет лучше вызвать самого лучшего сыщика из отдела уголовных расследований. Так что в сообщении я попросил как можно скорее прислать к нам сержанта Доу. Вы должны помнить его, сэр, по тому делу об отравлении американца в Хокстоне.

– Разумеется, я его прекрасно помню, – сказал я, – и по этому делу, и по другим. Его сноровка и проницательность уже несколько раз помогали мне. У него поистине блестящий ум. Однажды мне пришлось защищать интересы человека, в невиновности которого я был уверен, и я был рад, что обвинителем выступал сержант Доу.

– Это высокая похвала, сэр, – сказал офицер, довольный собой. – Я рад, что вы одобряете мой выбор и что я сделал правильно, послав именно за ним.

Мой ответ был вполне искренним:

– Лучшего вы сделать не могли. Я не сомневаюсь, что с вашей помощью мы разберемся в том, что произошло, и выясним причины.

Мы поднялись наверх, чтобы осмотреть комнату мистера Трелони: там все было в точности как описывала его дочь.

Затем раздался звонок, и через минуту в комнату ворвался человек – молодой мужчина с орлиными чертами лица, острыми серыми глазами и широким, выступающим лбом мыслителя. В руке он держал черный пакет, который тут же и открыл. Мисс Трелони представила нас: «Доктор Винчестер, мистер Росс, старший полицейский офицер Долан». Мы кивнули друг другу, и он, не теряя ни секунды, принялся за работу. Все мы внимательно следили, как он обрабатывает рану. В процессе работы он время от времени обращался к офицеру, делая замечания по поводу особенностей раны. Тот тут же вносил заметки в свою записную книжку.

– Смотрите, вот несколько параллельных порезов или царапин, начинающихся на левой стороне запястья и в некоторых местах почти перерезающих лучевую артерию. Вот эти небольшие глубокие рваные раны нанесены как будто тупым орудием. А вот эта, похоже, нанесена чем-то, имеющим форму клина: плоть вокруг будто разорвана поперечным давлением.

Повернувшись к мисс Трелони, он спросил:

– Могу ли я снять этот браслет? Острой необходимости в этом нет, поскольку его можно просто переместить ниже по запястью, где он не будет мешать, но в дальнейшем пациенту без него будет удобнее.

Лицо бедной девушки залила краска, и она тихо ответила:

– Не знаю. Я... Я только недавно переехала жить к отцу, и я пока слишком мало знаю о его жизни и привычках, чтобы разбираться в подобных вопросах.

Внимательно взглянув на нее, доктор очень вежливо произнес:

– Прошу прощения, я не знал. В любом случае вам не стоит из-за этого беспокоиться. В данный момент снимать его необязательно. Если бы это было столь необходимо, я бы сразу сделал это, не спрашивая разрешения. Если потребуется позднее, мы всегда сможем снять его с помощью напильника. Без сомнения, у вашего отца есть основания носить его. Видите? К браслету прикреплен маленький ключик... – При этих словах он взял из моих рук свечу и наклонился, освещая браслет. Потом он передал свечу мне и, сделав знак держать ее именно в таком положении, достал из кармана увеличительное стекло, с помощью которого принялся внимательно изучать браслет. Закончив осмотр, он выпрямился и передал лупу Долану:

– Посмотрите-ка лучше сами. Довольно необычный браслет. Золото нанесено на утренние стальные звенья; посмотрите там, где оно стерлось. Явно это сделано для того, чтобы браслет невозможно было снять. Для этого потребуется что-то посильнее, чем обычный напильник.

Офицер наклонил свое массивное тело и опустился на колени рядом с диваном, но, в отличие от доктора, не придвигаясь к телу вплотную. Он тщательно осмотрел браслет, медленно поворачивая его, так что ни одна малейшая деталь не осталась без внимания. Затем он поднялся и передал лупу мне.

– Когда посмотрите, пусть взглянет и леди, если хочет, – сказал он и принялся делать какие-то пометки в своей записной книжке.

Я слегка скорректировал его предложение и, протягивая лупу мисс Трелони, предложил:

– Может, сначала посмотрите вы?

Она слегка отклонилась, махнув рукой в знак отказа, и воскликнула:

– О нет! Если бы отец хотел показать мне этот браслет, он непременно сделал бы это. Я не буду смотреть на него без согласия отца.

И затем добавила, очевидно не желая смущать нас:

– Но, разумеется, вы должны его рассмотреть. Вам необходимо изучить здесь малейшие детали, и я очень, очень благодарна вам...

Мисс Трелони отвернулась. Я увидел, что она расплакалась. Мне было понятно, что даже сейчас, переживая такое несчастье, она мучилась от сознания, что знает о своем отце так мало и это невозможно скрыть в такой момент от незнакомых людей. То, что все присутствующие – мужчины, не уменьшало ее неловкости, хотя в какой-то мере приглушало это чувство. Пытаясь понять, что сейчас творится в ее душе, я не мог не прийти к выводу, что она рада видеть в этот момент вокруг себя одних мужчин, ведь женщины намного лучше мужчин разбираются в подобных вещах.

Когда я закончил осмотр, который подтвердил заключение доктора, последний вновь занял свое место у дивана и продолжал оказывать помощь раненому. Старший офицер Долан прошептал мне на ухо:

– По-моему, нам повезло с доктором!

Я кивнул в знак согласия и собрался было добавить еще пару похвальных слов по поводу его проницательности, как раздался негромкий стук в дверь.

Глава II

Странные указания

Старший офицер Долан спокойно направился к двери с видом человека, который понимает, что он в этой комнате главный. Мы замерли в ожидании. Он осторожно приоткрыл дверь, а потом с явным облегчением широко распахнул ее. В комнату вошел молодой человек. Он был чисто выбрит, высок и подтянут, с яркими живыми глазами на хищном лице. Ему, казалось, хватило одного взгляда, чтобы уловить и зафиксировать в сознании все малейшие детали. Когда он вошел в комнату, старший офицер протянул ему руку, и они приветствовали друг друга крепким рукопожатием.

– Сэр, я прибыл сразу же, как только получил вашу записку. Я рад, что до сих пор пользуюсь вашим доверием.

– И всегда будете им пользоваться, – искренне ответил Долан. – Я еще не забыл наши старые добрые денечки в Боу-стрит¹ и, уж поверьте, не забуду их никогда!

И тут же начал излагать все, что ему было известно на ту минуту. Сержант Доу задал несколько вопросов – совсем немного, лишь те, которые требовались, чтобы правильно понять определенные обстоятельства, – но в общем Долан, превосходно знающий свое дело, рассказывал все очень точно, по ходу давая необходимые пояснения. Сержант Доу время от времени осматривал все вокруг, бросая взгляды то на одного из нас, то на что-нибудь в комнате, то на раненого, лежащего без сознания на диване.

Когда старший офицер закончил, сержант повернулся ко мне:

– Сэр, вы, возможно, помните меня. Я работал с вами над тем хакстонским делом.

– Я вас прекрасно помню, – протянул я ему руку.

Вновь заговорил старший офицер:

– Сержант Доу, вы, разумеется, понимаете, что теперь на ваши плечи ложится вся ответственность за это дело.

– Надеюсь, я буду работать под вашим руководством, сэр, – перебил его Доу. Но Долан покачал головой и усмехнулся:

– Мне кажется, что тому, кто будет заниматься этим делом, придется выложиться полностью, напрячь все свои силы, а меня ждут другие дела. Однако я попросил бы вас постоянно держать меня в курсе событий. Если потребуется моя помощь, я с удовольствием помогу!

– Хорошо, сэр, – согласился Доу, тем самым принимая на себя ответственность, и, козырнув старшему офицеру, тут же приступил к расследованию.

Начал он с того, что подошел к доктору и, выяснив его имя и адрес, попросил того написать полный отчет о состоянии пострадавшего, которым он мог бы пользоваться или при необходимости предоставить своему начальству. Доктор Винчестер кивнул с серьезным видом и пообещал все выполнить. Затем сержант подошел ко мне и вполголоса произнес:

– Ваш доктор производит хорошее впечатление, думаю, мы сработаемся! – Повернувшись к мисс Трелони, он спросил: – Не могли бы вы рассказать о своем отце: его образе жизни, его прошлом, круге интересов, в общем, обо всем, что так или иначе с ним связано.

Я уже хотел вмешаться и сказать сержанту, что мисс Трелони только что сообщила, как мало ей известно об отце, но она заговорила сама, сделав мне предупреждающий знак рукой:

– Увы! Мне почти ничего не известно. Все, что я знаю, я уже рассказала старшему офицеру Долану и мистеру Россу.

¹ Боу-стрит – главный уголовный суд в Лондоне, названный по имени улицы, на которой он расположен. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

– Что ж, мадам, тогда приступим к работе, – доброжелательно согласился сержант. – Начнем с детального анализа происшедшего. Вы сказали, что находились за дверью, когда услышали шум?

– Я была в своей комнате, когда возникли эти странные звуки. Полагаю, в ту секунду в комнате отца все только начиналось. Я сразу же вышла из своей спальни. Дверь в комнату отца была закрыта, и мне было видно всю лестничную площадку и верхние ступени. Если бы кто-то вышел из его комнаты, я бы его обязательно заметила, если вы это хотите узнать.

– Именно это я и хотел выяснить, мисс. Если все, кому что-либо известно, дадут такие же исчерпывающие пояснения, как вы, мы скоро доберемся до истины.

Затем он подошел к кровати, внимательно осмотрел ее и спросил:

– К кровати кто-нибудь прикасался?

– Насколько мне известно, никто, – ответила мисс Трелони, – но лучше будет спросить об этом миссис Грант, нашу экономку, – добавила она, звоня в колокольчик. Когда появилась миссис Грант, мисс Трелони обратилась к ней: – Проходите, эти джентльмены хотят знать, прикасался ли кто-нибудь к кровати.

– Я до нее не дотрагивалась, мадам.

– В таком случае, – мисс Трелони повернулась к сержанту Доу, – к ней не прикасался никто. Или миссис Грант, или я постоянно находились в комнате, а слуги, собравшиеся, когда я позвала на помощь, к кровати и не приближались. Понимаете, отец лежал вот здесь, у большого сейфа, и все столпились вокруг него. Мы очень скоро всех отправили из комнаты.

Доу движением руки попросил нас оставаться в другой стороне комнаты, а сам принялся через увеличительное стекло осматривать кровать, сделанную из тяжелого красного дерева и украшенную искусной резьбой; причем, отворачивая какую-либо складку на белье, после внимательного изучения он аккуратно возвращал ее на свое место. Затем опять же при помощи лупы он принялся изучать пол у кровати, уделяя особое внимание тем местам, где накапала кровь. Дюйм за дюймом, не поднимаясь с колен и тщательно обходя, чтобы не коснуться пятна на полу, он проследовал за кровавым следом до того самого места у сейфа, где лежало тело. Таким образом, он тщательно исследовал все в радиусе нескольких ярдов, но, похоже, не обнаружил ничего, что могло бы привлечь его внимание. После этого он осмотрел переднюю стенку сейфа: вокруг замка, верх и низ двойных дверей, особенно то место, где они соприкасались.

Затем он направился к окнам, закрытым на шпингалеты.

– Жалюзи были закрыты? – спросил он мисс Трелони, как будто ожидая отрицательного ответа, и оказался прав.

Все это время доктор Винчестер занимался своим пациентом. И сейчас он перевязывал раны на запястье, осматривал его голову, горло, прикладывал ухо к груди, чтобы прослушать работу сердца. Несколько раз он касался носом рта бесчувственного человека и принюхивался, каждый раз осматриваясь вокруг, как будто что-то искал и не находил.

Наконец мы услышали громкий строгий голос детектива:

– Насколько я понимаю, целью злоумышленников было вставить этот ключ в замок сейфа. В механизме замка, очевидно, есть какой-то секрет, который я не в состоянии разгадать, хотя до того как поступить в полицию, я год проработал в «Чаббс»². Чтобы открыть замок, необходимо знать комбинацию из семи букв, но, похоже, закодированы не только буквы, но и сама комбинация. Этот сейф изготовлен в фирме «Четвудс», я обращусь к ним и попытаюсь что-нибудь выяснить.

² «Чаббс» – известная лондонская фирма по изготовлению замков, названная по имени основателя.

Затем, повернувшись к доктору с таким видом, будто на сегодня его работа уже была закончена, он спросил:

– Есть ли у вас какие-либо соображения, которые не будут отражены в отчете, доктор? Если вы в чем-то еще сомневаетесь, я могу подождать, но чем раньше я узнаю что-нибудь определенное, тем лучше.

Ответ доктора Винчестера прозвучал незамедлительно:

– С моей точки зрения, выждать тут нечего. Разумеется, я подготовлю полный отчет. Но пока я хочу рассказать все, что мне удалось выяснить – на самом деле не так уж и много, – и все, что я думаю, хотя у меня еще нет полной уверенности. На голове нет ран, которые могли бы послужить причиной ступора, в котором пациент находится в данный момент. Таким образом, я прихожу к выводу, что ему либо могли ввести сильнодействующий наркотик, либо подвергнуть какого-либо рода гипнотическому воздействию. Насколько я могу судить, наркотиков ему не давали, по крайней мере таких, характер воздействия которых мне известен. В этой комнате стоит такой запах мумии, что трудно судить о веществах с едва уловимым ароматом. Вы, очевидно, обратили внимание на специфические египетские запахи: битум, нард, камедь, благовония и так далее. Вполне возможно, что в этой комнате, с более сильными и необычными запахами, и скрывается то вещество или жидкость, которые могли вызвать наблюдаемый нами эффект. Возможно, пациент принял какой-либо наркотик и на одной из фаз беспамятства сам нанес себе раны. Лично я думаю, что это маловероятно, и все обстоятельства, кроме тех, которые я лично изучил, указывают на то, что мои предположения не верны. Но на данный момент этого нельзя исключить и, пока не доказано обратное, не стоит отбрасывать эту версию.

Тут его прервал сержант Доу:

– Может быть, все так и было, но в любом случае нам необходимо найти оружие, которым были нанесены раны на запястье. На чем-то должны были остаться следы крови.

– Вот именно! – воскликнул доктор, поправляя свои очки, словно готовясь вступить в спор. – Но в том случае, если пациент все же принимал наркотик, это могло быть одно из тех веществ, которые начинают воздействовать на организм не сразу, а через некоторое время. Поскольку у нас пока нет полной уверенности – если, разумеется, само это предположение верно, – надо быть готовым ко всему.

Тут в разговор вмешалась мисс Трелони:

– Что касается действия наркотических веществ, вы абсолютно правы, но, по второй части вашей версии, отец сам нанес себе раны уже после того, как наркотик подействовал.

– Совершенно верно! – одновременно сказали детектив и доктор. Она продолжила:

– Поскольку ваше предположение, доктор, не исчерпывает всех возможных вариантов, мы должны учитывать, что и другие предположения могут оказаться правильными. Насколько я понимаю, в первую очередь нужно отыскать оружие, которым были нанесены травмы на руке моего отца.

– Возможно, он спрятал оружие в сейф до того, как потерял сознание, – необдуманно поспешил я высказать вслух только что пришедшую на ум мысль.

– Это исключено, – быстро возразил доктор. – По меньшей мере, маловероятно, – тут же поправил он себя, обращаясь ко мне. – Видите ли, левая рука вся в крови, а на сейфе ни одного пятнышка.

– Да, действительно, – согласился я, после чего в воздухе надолго повисла тишина.

Первым нарушил молчание доктор:

– Нужно найти сиделку, и чем раньше, тем лучше. У меня как раз есть одна на примете. Я сейчас же отправляюсь за ней. Должен попросить вас до моего возвращения не оставлять пациента одного, пусть кто-нибудь постоянно будет рядом с ним. Позже, возможно, потребуются переместить его в другое помещение, но пока лучше оставить его здесь. Мисс Тре-

лони, могу ли я быть уверен, что либо вы, либо миссис Грант останетесь здесь – не просто в комнате, а непосредственно рядом с пациентом – до моего возвращения?

Она утвердительно кивнула и присела на стул рядом с диваном. Доктор дал ей указания относительно того, что нужно делать, если пациент придет в себя в его отсутствие.

Следующим откланялся старший офицер Долан. Подойдя к сержанту Доу, он сказал:

– Я, пожалуй, вернусь в участок, если, разумеется, вы не хотите, чтобы я еще какое-то время побыл здесь.

На что Доу ответил вопросом:

– А Джонни Райт все еще служит в вашем подразделении?

– Да! Хотите, чтобы он присоединился к вам? – Доу кивнул в ответ. – В таком случае я пришлю его к вам как можно скорее. Он может оставаться с вами столько, сколько вам нужно. Я скажу ему, что инструкции он получит непосредственно от вас.

Сержант проводил Долана до двери, говоря на ходу:

– Благодарю вас, сэр, вы всегда очень внимательно относитесь к людям, которые работают рядом с вами. Для меня большое удовольствие вновь сотрудничать с вами. Я вернусь в Скотленд-Ярд и напишу доклад своему начальнику. Потом я съезжу в «Четвудс» и вернусь сюда как можно скорее. Надеюсь, мисс, мне будет позволено остаться здесь на день-два, если возникнет такая необходимость. Возможно и удастся разгадать эту загадку. Я был бы вам очень признателен.

Несколько секунд он внимательно смотрел на нее, потом продолжил:

– Прежде чем уйти, я бы хотел получить от вас разрешение осмотреть рабочий стол вашего отца. Там может обнаружиться что-нибудь полезное для расследования, ключ к пониманию подоплеки дела.

Ее ответ был настолько однозначным, что почти удивил его:

– Вам разрешается делать абсолютно все, что может помочь нам в этой ужасной беде... выяснить, что же случилось с моим отцом, и защитить его в будущем!

Он тут же принялся за дело, внимательно осмотрев сначала туалетный столик, а затем письменный стол в комнате. В одном из ящиков он нашел запечатанное письмо, которое тут же вручил мисс Трелони.

– Письмо... адресованное мне... написанное рукой отца! – Она, волнуясь, вскрыла конверт.

Когда она начала читать, я впился глазами в ее лицо, но боковым зрением заметил, что и сержант Доу не сводит с нее цепкого взгляда, наблюдая за быстрой сменой эмоций на лице мисс Трелони. С этой секунды мое внимание переключилось на него. К тому моменту, когда мисс Трелони дочитала письмо, я был почти уверен, что в число потенциальных подозреваемых детектив включил и саму мисс Трелони!

Некоторое время она стояла с письмом в руке, опустив глаза и размышляя. Затем она еще раз внимательно прочитала его, и теперь эмоции сменяли друг друга на ее лице еще быстрее. Закончив наконец чтение, она снова помолчала и после некоторого колебания передала письмо детективу. Он тут же принялся читать, хотя внешне ничем не выказал своего нетерпения. Прочитав, он с поклоном вернул его мисс Трелони. После непродолжительной паузы она передала его мне. На какую-то долю секунды ее глаза встретились с моими, но за это краткое время я успел заметить, каким умоляющим был ее взгляд. В тот же миг ее бледные щеки и лоб вспыхнули как огонь.

Я принял письмо со смешанным чувством, но все же был рад. Она решилась показать мне письмо, которое имела право не показывать никому, кроме детектива!.. Я побоялся развивать эту мысль (тем более что в эту секунду взгляды и мисс Трелони, и детектива были сосредоточены на мне) и принялся читать.

«Моя дорогая дочь, в случае если со мной случится какая-то беда или произойдет что-либо неожиданное, я хочу, чтобы ты восприняла это письмо как указание, четкое и недвусмысленное, без каких бы то ни было разночтений. Если я внезапно слягу – вследствие ли болезни, несчастного случая или же нападения, – тебе необходимо будет четко придерживаться моих инструкций. Если на тот момент, когда ты читаешь это письмо, я не нахожусь в своей спальне, меня нужно доставить туда как можно скорее. Даже в случае моей смерти мое тело необходимо переправить в спальню. И с этой секунды до тех пор, пока я не приду в себя или не буду в состоянии давать дальнейшие инструкции лично, или же, в случае смерти, до момента похорон, меня нельзя оставлять одного, НИ НА СЕКУНДУ! С наступления ночи до рассвета как минимум два человека должны находиться в комнате рядом со мной. Будет хорошо, если опытная медсестра будет время от времени приходить и подробно записывать любые изменения моего состояния – постоянные или временные, – которые могут показаться ей неожиданными. Мои адвокаты (Марвин и Джукс, „Линкольновский инн“³, 27 Би) имеют полные инструкции на случай моей смерти, а мистер Марвин лично взялся проследить за выполнением моих указаний. Советую тебе, дорогая дочь, учитывая, что у тебя нет родственников, к которым можно было бы обратиться, позвать друга, которому ты можешь доверять, чтобы он либо постоянно находился дома недалеко от тебя, либо приходил еженощно помогать ухаживать за мной, или быть под рукой. Это может быть как мужчина, так и женщина, но кто бы это ни был, необходимо, чтобы рядом с ним всегда был еще один человек противоположного пола. Пойми, в этом суть моей просьбы: начеку должно быть два человека противоположного пола, готовых помочь мне, – нужны мужской и женский разум. Дорогая Маргарет, позволь мне еще раз напомнить тебе о необходимости постоянного наблюдения. Будь готова к самым необычным последствиям. Любого рода болезни или травмы, которые произойдут со мной, будут носить не случайный характер. Хочу предупредить тебя: тебе потребуется надежная защита.

Ничто в моей комнате – я имею в виду собранные там предметы – ни в коем случае не должно быть переставлено или передвинуто со своего места. Все они расставлены в специальном порядке и с определенной целью, так что любое вмешательство разрушит мои планы.

Если тебе понадобятся деньги или консультации, мистер Марвин к твоим услугам, на что он имеет мои подробные указания.

Абель Трелони».

Не веря своим глазам, я прочитал письмо еще раз. Выбор друга мог стать прекрасным шансом для меня. Во мне уже затеплилась надежда, что, коль она обратилась за помощью ко мне в первые минуты несчастья, ее выбор и сейчас падет на меня. Но у любви свои причуды. Я побоялся произнести что-либо вслух. Мои мысли как будто завертелись в головокружительном вихре, и через несколько мгновений все причинно-следственные связи оказались расставленными по полочкам. Мне не следует предлагать свою кандидатуру на роль друга, которого назвал в своих указаниях ее отец, но в то же время одного быстрого взгляда оказалось достаточно, чтобы наполнить мое сердце надеждой. В конце концов, когда ей понадобилась помощь, она обратилась ко мне – к человеку, с которым ее ничто не связывало, кроме одной встречи на балу и краткого общения днем во время прогулки по реке. Не будет ли для нее унижительным обращаться ко мне с просьбой дважды? Унижительным! Нет, этому не бывать! Ведь я сам могу оградить ее от боли, ей не придется унижаться! Поэтому, возвращая ей письмо, я сказал:

³ «Линкольновский инн» – одна из четырех английских школ подготовки адвокатов.

– Я знаю, что вы простите меня, мисс Трелони, если я позволяю себе слишком многое, но, если вы разрешите мне помочь вам наблюдать за отцом, я буду безмерно горд. Конечно, обстоятельства самые печальные, но я буду счастлив, если вы окажете мне такую честь.

Несмотря на очевидные нелегкие попытки сохранить самообладание, все лицо и шея девушки залились краской. Казалось, даже глаза у нее покраснели, что было особенно заметно, когда кровь вновь отступила, вернув щекам их первоначальную бледность. Тихим голосом она произнесла:

– Я буду вам очень признательна за помощь! – И в ту же секунду добавила: – Но я не хочу, чтобы вы полностью посвятили себя мне. У вас много и других дел. Хотя я и высоко, очень высоко ценю вашу помощь, было бы несправедливо завладеть всем вашим временем.

– Ну что вы, – поспешил ответить я, – мое время полностью в вашем распоряжении, я легко могу сегодня же организовать свои дела так, чтобы прийти к вам вечером и остаться до утра. Потом, если понадобится, я могу перестроить свой рабочий график и высвободить еще больше времени.

Она была чрезвычайно тронута моим предложением. На ее глаза навернулись слезы, и, чтобы скрыть их, она отвернулась. Заговорил детектив:

– Рад, что вы будете здесь, мистер Росс. Я тоже останусь в доме, если мне позволит мисс Трелони и меня отпустят в Скотленд-Ярде. Это письмо заставило увидеть все в совершенно новом свете, хотя тайна от этого стала еще загадочнее. Если вы можете подождать здесь час-два, я сперва съезжу в участок, потом к производителям сейфа, а затем вернусь. Тогда вы сможете спокойно отправиться улаживать свои дела, пока я буду здесь.

Когда он ушел, мы с мисс Трелони остались одни в тишине. Наконец она подняла глаза и посмотрела на меня. И в тот миг я не согласился бы поменяться местами ни с кем, даже с королем. Некоторое время она была занята наведением порядка на диване, на котором лежал ее отец, а затем, попросив меня не сводить глаз с отца до ее возвращения, покинула комнату.

Через несколько минут она вернулась вместе с миссис Грант, двумя служанками и парой мужчин, которые несли раму и полный набор деталей для легкой железной кровати, сборкой которой они и занялись. Когда работа была завершена и слуги удалились, она сказала мне:

– Будет лучше, если мы все приготовим к возвращению доктора. Он наверняка распорядится переложить отца на кровать, а эта кровать намного лучше дивана, – с этими словами она придвинула стул поближе к отцу и села наблюдать за ним.

Я прошелся по комнате, внимательно осматривая все, что попадалось на глаза. И действительно, в комнате было достаточно вещей, чтобы вызвать любопытство у кого угодно, даже если бы настоящие обстоятельства были менее странными. Все пространство комнаты, за исключением необходимых для сна предметов мебели, было заполнено удивительными вещами, в основном египетскими. Поскольку комната была огромной, в ней нашлось место для невероятного количества предметов, многие из которых имели внушительные размеры.

Пока я все еще был занят изучением комнаты, раздался шум колес, рассекающих гравий у дома. Прозвучал звонок в дверь, и через некоторое время, после вежливого стука и ответа «Входите!», в комнату в сопровождении женщины в длинном темном платье медицинской сестры вошел доктор Винчестер.

– Мне повезло! – объявил он с порога. – Я нашел ее сразу, и она сейчас свободна. Мисс Трелони, позвольте представить вам сестру Кеннеди!

Глава III

Наблюдатели

Меня поразило то, как две женщины посмотрели друг на друга. Полагаю, я настолько привык наблюдать за свидетелями и выносить им в уме оценку на основании их поведения и случайных движений, что эта привычка распространилась и на мою жизнь вне зала суда. В данный момент все, что интересовало мисс Трелони, интересовало и меня, и поскольку вид вновь пришедшей ее поразила, я тоже помимо воли впился глазами в сестру. Сравнивая двух женщин, я как-то по-новому оценил мисс Трелони. С первого взгляда было видно, насколько эти женщины не похожи. Мисс Трелони была темноволосой, изящно сложена, с прямой осанкой. Ее прекрасные глаза – огромные, широко раскрытые, черные и нежные, как бархат, – были наделены той загадочностью, которая кроется в безднах океанских глубин. Ощущения, которые возникали, если смотреть в них, должно быть, были сродни тем, которые испытывал доктор Ди, вглядываясь в черные зеркала во время своих колдовских ритуалов. На пикнике я услышал, как один старый джентльмен, известный путешественник по Востоку, описывал эффект ее глаз: «как будто ночью через открытую дверь всматриваешься в огни далекой мечети». Брови были обычны. Очерченные изящной дугой и состоящие из длинных изогнутых волосков, они служили прекрасным обрамлением красивых глубоких глаз. Волосы ее тоже были черными, мягкими, как шелк. Обычно черные волосы свидетельствуют о природной силе и решительности характера, но при взгляде на мисс Трелони такого ощущения не возникало. Наоборот, в голову приходили мысли об утонченности и прекрасном воспитании. И хотя тут не было и намека на слабость, в душе возникали мысли скорее о духовной силе, чем о физической. Гармония ее внешности казалась идеальной. Манера держать себя, фигура, волосы, глаза, подвижный большой рот – алые губы и белые зубы, казалось, освещали нижнюю часть лица, так же, как глаза – верхнюю, широкий контур скул, от подбородка к ушам; длинные изящные пальцы; рука, которая двигалась от запястья, словно наделенная собственными чувствами. Все эти грани совершенства сливались в единый образ, который венчали грация, общая красота и шарм.

Сестра Кеннеди, напротив, была ниже среднего для женщин роста, с крепкой и коренастой фигурой, полными руками и ногами, с широкими, сильными и проворными ладонями. Ее общая цветовая гамма в основном напоминала осеннюю листву: длинные и густые светло-русые волосы, светло-карие глаза блестели на веснушчатом загорелом лице. Ее румяные щеки казались скорее темно-коричневыми. Красные губы и белые зубы не разрушали общей цветовой гаммы, а скорее подчеркивали ее. У нее был бросающийся в глаза курносый нос, но, как чаще всего и бывает, он выдавал человека отзывчивого, энергичного и веселого. Широкий белый лоб, который даже веснушки обошли стороной, явно был признаком человека здравомыслящего, обладающего недюжинным умом.

Доктор Винчестер по пути из госпиталя ввел ее в курс дела, поэтому она сразу же, не произнеся ни слова, приступила к выполнению своих обязанностей. Осмотрев со всех сторон недавно собранную кровать и взбив подушки, она обратилась к доктору, который в свою очередь дал указания нам: мы все четвером подняли бесчувственное тело и перенесли его с дивана на кровать.

Чуть позже полудня, когда вернулся сержант Доу, я на минуту заглянул к себе на Джермин-стрит, чтобы собрать одежду, книги и бумаги, которые мне могли понадобиться в течение нескольких ближайших дней, затем занялся своими судебными обязанностями.

Поскольку на тот день было назначено вынесение приговора по одному важному делу, заседание началось поздно и я смог вернуться в дом на Кенсингтонплейс-роуд только к

шести. Меня поселили в большой комнате, расположенной рядом с той, где лежал пострадавший.

В ту ночь график дежурства еще не был установлен, поэтому получилось так, что к началу вечера в доме собралось слишком много народа. Сестра Кеннеди, дежурившая весь день, легла спать, договорившись вернуться на свое место в двенадцать. Доктор Винчестер дождался в комнате начала обеда и вернулся сразу же по его окончании. Во время обеда в комнате были миссис Грант и сержант Доу, который решил закончить детальное изучение всего, что находилось в комнате и рядом с ней. В девять часов мы с мисс Трелони пришли сменить доктора. Чтобы набраться сил к ночному дежурству, она прилегла на несколько часов днем. Мисс Трелони сказала мне, что по крайней мере сегодня ночью будет сидеть и наблюдать за отцом. Я не стал отговаривать ее, понимая, что это решение было твердым. Тут же я для себя решил, что, как и она, всю ночь не сведу глаз с ее отца, конечно, если она не против. Но о своих намерениях я ничего не сказал. В комнату мы вошли очень тихо, на цыпочках, так что доктор, который в ту минуту склонился над кроватью, нас не услышал и даже немного испугался от неожиданности, когда увидел нас перед собой. Я почувствовал, что царившая здесь атмосфера загадочности начала сказываться на его нервах, и он был не единственным в доме, кто попал под это воздействие. Он, как мне показалось, рассердился на самого себя за этот испуг и тут же заговорил быстро, как будто стараясь не дать нам времени осознать его замешательство:

– Я в полном недоумении: не могу найти ни единой причины, которая могла бы объяснить этот ступор. Я еще раз произвел самое тщательное обследование, на которое способен, и теперь полностью уверен, что мозг не поврежден, то есть нет никаких внешних травм головы. Да и все его жизненно важные органы, похоже, находятся в норме. Как вы знаете, я несколько раз покормил его, и это, очевидно, пошло на пользу. Дыхание у него глубокое и регулярное, а пульс стал медленнее и сильнее по сравнению с утром. Я не вижу ни намека на какой-либо из известных мне наркотиков, а его состояние не похоже ни на один из тех многочисленных снов, вызванных гипнотическим воздействием, которые я наблюдал в клинике доктора Шарко в Париже. А что касается этих ран, – он аккуратно прикоснулся к забинтованному запястью, лежащему поверх одеяла, – ума не приложу, как можно их объяснить. Они могли быть нанесены, например, ворсовальной машиной, но это предположение абсурдно. Совершенно невозможно, чтобы их нанесло какое-либо животное, если, конечно, оно заранее очень тщательно не наточило себе когти. Это, я полагаю, также невозможно. Кстати, не держите ли вы в своем доме каких-либо необычных животных, ну, например, тигра или что-нибудь в этом роде?

От грустной улыбки мисс Трелони у меня заныло сердце. Она ответила:

– Нет, что вы! Отец не терпит животных в доме, кроме умерших и мумифицированных. – Эти слова были произнесены то ли с горечью, то ли с ревностью, не могу сказать точно. – Даже мой несчастный кот пострадал. Он хоть и самый милый и воспитанный кот на свете, но здесь живет как преступник, которого досрочно освободили. В эту комнату его не пускают.

Когда она говорила, скрипнула дверная ручка. В ту же секунду лицо мисс Трелони просияло, она встала и подошла к двери.

– Вот он! Это мой Сильвио. Он становится на задние лапки и начинает тереть ручку, когда хочет войти в комнату. – Она открыла дверь, обращаясь к коту как к маленькому ребенку: – Кто тут хочет войти? Ну, проходи, только мы должны оставаться на ручках.

Она подняла кота и направилась к нам, неся его на руках. Действительно, это было удивительное животное: серый персидский кот с длинной пушистой шерстью, обладавший царственными повадками, несмотря на мягкость характера. У него были массивные лапы, которые он тут же широко расставил, как только она посадила его на колени. Пока она его

ласкала, он, извиваясь как угорь, выскользнул из ее рук и кинулся к маленькому столику в другом конце комнаты, на котором стояла мумия животного, и принялся там мяукать и сердито ворчать. Мисс Трелони тут же бросилась к нему и вновь подхватила его на руки, хотя он всеми силами отбивался и пытался освободиться, не пуская, однако, в ход ни когти, ни зубы. Было очевидно, что он очень любит свою прекрасную хозяйку. Как только она подняла его, он затих и перестал издавать какие-либо звуки. Она начала тихонько ругать его:

– Плохой Сильвио! Ты только что нарушил обещание, которое мамочка дала за тебя. Теперь попрощайся с джентльменами и отправляйся в комнату мамы!

Сказав это, она на прощанье протянула мне его лапку. Пожав ее, я не мог не заметить, какой большой и красивой была эта лапа.

– Ого, – сказал я, – эта лапа похожа на боксерскую перчатку с когтями.

Мисс Трелони улыбнулась:

– Еще бы! Вы разве не заметили, что у моего Сильвио семь пальчиков? Вот, смотрите. – Она сжала его лапу, и действительно, показалось семь когтей, каждый из которых был заключен в аккуратную, похожую на раковину кожную складку. Когда я погладил лапу, коготь случайно – кот уже перестал проявлять волнение, а наоборот, тихонько мурлыкал – впился мне в руку. Отдернув руку, я слегка вскрикнул:

– Да когти у него острые как бритвы!

Доктор Винчестер, который в тот момент подошел к нам и, склонив голову, рассматривал кошачьи когти, странным голосом произнес:

– Ну-ка! – В его голосе слышалась обеспокоенность. Пока я гладил притихшего кота, доктор вернулся к столу, оторвал кусок промокательной бумаги и вновь подошел к нам. Положив бумагу себе на руку, он, бросив мисс Трелони «прошу прощения», взял лапу кота, приложил ее к своей руке и придавил. Высокомерному коту подобное фамильярное обращение, кажется, пришлось не по душе, он попытался вырвать лапу. Оказалось, что как раз этого доктор и добивался: когда кот отдергивал лапу, его когти вышли из кожных складок и оставили на бумаге несколько царапин. Мисс Трелони унесла кота и вернулась через пару минут. Заходя в комнату, она сказала:

– В этой мумии есть что-то очень странное! Когда Сильвио первый раз попал в эту комнату – он тогда был еще котенком, и я принесла его показать отцу, – с ним произошло то же самое. Он вспрыгнул на стол и попытался поцарапать и укусить эту мумию. Это и разгневало отца, за что он хотел выгнать его из дому. Только мои просьбы и обещания позволили ему остаться в доме.

Пока девушки не было, доктор Винчестер снял бинты с запястья ее отца. Рана уже была промыта, и глубокие красные порезы были отчетливо видны. Доктор сложил лист бумаги по линии, оставленной когтями кота, и поднес ее к ране. Проделав эту операцию, он торжественно посмотрел на нас и поманил к себе.

Царапины на бумаге совпадали с порезами на руке! Не надо было ничего объяснять, когда доктор сказал:

– Лучше бы было господину Сильвио держаться подальше от этой комнаты!

Мы все какое-то время помолчали. Потом мисс Трелони воскликнула:

– Но вчера вечером Сильвио здесь не было!

– Вы в этом уверены? Вы сможете это доказать, если потребуется?

Она помедлила с ответом:

– Я в этом абсолютно уверена, но, боюсь, доказать это будет сложно. Сильвио спит в корзине в моей комнате, и я точно помню, что вчера уложила его спать. Я укрыла его одеялом на ночь, а сегодня утром сама достала его оттуда. Естественно, я не видела, оставался

ли он в корзинке, я была слишком занята своим бедным отцом, чтобы обращать внимание на что-либо другое, даже на Сильвио.

Доктор покачал головой и сказал с некоторой грустью в голосе:

– Во всяком случае, сейчас уже не имеет смысла что-либо доказывать. Любой кот легко успел бы за это время сто раз слизать следы крови – если бы таковые были – со своих лап.

Мы опять помолчали. И вновь тишину первой нарушила мисс Трелони:

– Все-таки бедный Сильвио не мог ранить отца. Дверь моей комнаты была закрыта, когда я слышала шум, и дверь в комнату отца тоже была закрыта, пока я стояла за ней и прислушивалась. Когда же я вошла в комнату, раны уже были на руке, значит, нанесли их еще до того, как Сильвио мог пробраться в комнату.

Эти аргументы мне как адвокату показались вполне убедительными. Суд признал бы этого подозреваемого невиновным. Я был определенно рад тому, что с Сильвио были сняты подозрения, наверное, потому что этот кот был любимцем мисс Трелони. Счастливчик! Хозяйка Сильвио не скрывала своей радости, когда я сказал:

– Суд постановил: не виновен!

Доктор Винчестер после некоторой паузы объявил:

– Приношу извинения господину Сильвио за свои подозрения, но у меня до сих пор не выходит из головы вопрос: что же так привлекло его в этой мумии? Он так же реагирует на остальные мумии, которые хранятся в доме? Я полагаю, здесь их немало. Когда я входил, в холле я заметил три.

– Да, тут их довольно много, – ответила она. – Иногда я не могу понять, где я нахожусь: в частном доме или в Британском музее. Но Сильвио не обращает на мумии внимания, за исключением лишь этой. Подозреваю, здесь причина в том, что это мумия животного, а не мужчины или женщины.

– Возможно, это кошка! – сказал доктор, поднимаясь и направляясь через всю комнату к столику, чтобы осмотреть мумию более внимательно. – Действительно, это мумия кошки, и к тому же очень искусно выполненная. Если бы она не была любимцем какой-то весьма важной особы, ее не стали бы столь тщательно готовить. Смотрите, раскрашенные бинты и обсидиановые глаза, в точности как у человеческих мумий. Поразительно, как животные одного вида распознают друг друга. Эта кошка умерла, возможно, четыре или пять тысяч лет назад, а другой представитель этого семейства, хотя и другой породы, выросший практически в другом мире, готов броситься на нее, как будто она все еще жива. Я хотел бы немного поэкспериментировать с этим животным, мисс Трелони, если, конечно, вы не возражаете.

Скрепя сердце она согласилась:

– Конечно, вы можете делать все, что считаете разумным и необходимым, но я надеюсь, что вы не сделаете ничего такого, что могло бы навредить моему бедному Сильвио.

Доктор улыбнулся:

– Сильвио ничто не угрожает, меня интересует другая кошка.

– Что вы имеете в виду?

– Сильвио выступит в роли нападающей стороны, а вторая кошка – в роли пострадавшей.

– Пострадавшей? – В ее голосе послышались нотки тревоги. Доктор улыбнулся еще шире:

– Прошу вас, успокойтесь. Ей не будет причинен вред в нашем понимании этого слова, возможно, пострадают лишь ее структура и покровы.

– Как прикажете вас понимать?

– Очень просто, дорогая леди. Противником вашего Сильвио станет мумия кошки, подобная вот этой. Я полагаю, на Мьюзием-стрит таких мумий собрано немало. Я возьму одну из них и на какое-то время поставлю сюда вместо вашей. Надеюсь, вы не считаете,

что временная замена противоречит указаниям вашего отца? Для начала мы выясним, что приводит в такое состояние Сильвио: именно эта мумия или вообще любая мумия кошки.

– Я не знаю, отец оставил очень точные указания... – с сомнением в голосе произнесла она. Но после минутного раздумья решила: – Разумеется, в сложившихся обстоятельствах все, что может внести ясность, должно быть сделано. Мне кажется, что мумия кошки не может представлять собой ничего особенного.

Доктор Винчестер не ответил. Сейчас он сидел неподвижно с таким хмурым видом, что его серьезность передалась и мне. Эта внезапная перемена как будто раскрыла мне глаза: я вдруг осознал всю странность дела, в которое был уже так глубоко вовлечен. Эта мысль, возникнув однажды, больше не покидала меня. За миг она полностью захватила мой разум, породив бесчисленное множество вариантов ее истолкования. Сама комната и все, что находилось в ней, давало повод к странным мыслям. Здесь было собрано так много древностей, что попавший в нее помимо воли переносился далеко в прошлое, в незнакомые земли и давно забытые времена. Здесь было так много мумий и предметов, с ними связанных, отчего воздух был насквозь пронизан соответствующими запахами битума, благовоний и камеди – «нард и нежные черкесские запахи», – что просто невозможно было не думать о прошлом. Естественно, комната была очень слабо освещена. Все источники света были специально тщательно затемнены таким образом, чтобы прямого яркого света, который воспринимается как сила, стихия, не было видно нигде. Комната была очень большой, умело выдержанные пропорции только подчеркивали ее размер. В ее необъятном чреве нашлось место для бесчисленного множества вещей, которые не часто встретишь в спальне. В дальних ее углах, казалось, затаились зловещие тени. Не один раз меня охватывало ощущение, что обилие предметов, связанных со смертью и далеким прошлым, наполняло мою душу страхом, заставляя оглядываться по сторонам, будто в комнате присутствовало нечто ужасное. В такие минуты даже находившиеся здесь доктор Винчестер и мисс Трелони не могли успокоить меня или уменьшить мое волнение. Появление в комнате нового человека в лице сестры Кеннеди стало для меня большим облегчением. Несомненно, эта деловая, уверенная в своих силах молодая женщина своим приходом несколько утихомирила мое разыгравшееся воображение. Казалось, что ее чувство здравого смысла, подобно невидимому излучению, заполняло все вокруг. До того момента я был полностью занят мысленными рассуждениями о том, что могло привести отца мисс Трелони в такое ужасное состояние, и все вокруг него, включая меня самого, постепенно вплелось в ткань моих размышлений... Но сейчас, когда она вошла, все вернулось на свои места: мистер Трелони вновь стал обычным пациентом, комната вновь обрела статус спальни, а тени утратили устрашающий оттенок. Единственное, что осталось неизменным, так это странный египетский запах. Можно заключить мумию в стеклянный сосуд и герметически его закрыть так, чтобы способствующий разложению воздух не мог проникнуть внутрь, но все равно ее запах будет ощущаться вокруг. Кое-кто может подумать, что четырех или пяти тысяч лет достаточно, чтобы разложились любые вещества, способные источать запахи, но опыт учит нас, что запахи не исчезают и их секреты продолжают оставаться непознанными. Сегодня они так же загадочны, как и в тот день, когда бальзамирощики опустили тело в ванну с содой...

Я резким движением расправил плечи, сбрасывая с себя египетские чары, которые, казалось, полностью поглотили мой разум, мою память, мою волю.

В эту секунду меня осенила мысль: если этот запах оказал такое сильное воздействие на меня, могло ли случиться так, что человек, который сейчас лежит на кровати перед нами, проживя полжизни или даже больше в этой атмосфере, постепенно, медленно, но уверенно

впустил в свой внутренний мир нечто, что, проникнув во все уголки его тела, наделило его некой новой силой?..

Я вновь погрузился в свои мысли. Нет, так не пойдет. Мне нужно следить за собой и не позволять подобного рода предположениям захватывать себя. Вчера я спал всего полночи и сегодня не должен заснуть. Без объявления причины – я побоялся, что это может увеличить тревогу мисс Трелони, – я спустился вниз и вышел из дома. Поиски аптеки не заняли много времени, и скоро я вернулся домой, неся с собой респиратор. Когда я пришел, было десять часов. Доктор уже собирался уходить, давая последние инструкции сестре. Мисс Трелони неподвижно сидела у кровати. Сержант Доу, который зашел в комнату сразу после ухода доктора, держался в стороне.

Когда к нам присоединилась сестра Кеннеди, мы условились, что она будет дежурить до двух часов, пока ее сменит мисс Трелони. Таким образом, согласно инструкции мистера Трелони, в комнате постоянно будут находиться мужчина и женщина. Кроме того, каждый из нас будет приходить немного раньше назначенного срока, чтобы новая пара наблюдателей была в курсе всего, что произошло в их отсутствие (если, конечно, хоть что-то будет происходить). Я лег на диван в своей комнате, предупредив слуг, чтобы меня разбудили незадолго до двенадцати. Через несколько мгновений я погрузился в сон.

Когда меня разбудили, мне понадобилось некоторое время, чтобы собраться с мыслями и вспомнить, кто я и где нахожусь. Короткий сон, впрочем, пошел мне на пользу. По сравнению с вечером я мог более трезво смотреть на окружающие меня вещи. Я умылся и, освеженный, вернулся в комнату. Я передвигался очень тихо. Сестра тихо и настороженно сидела у кровати, детектив расположился в кресле в противоположном углу комнаты, окутанный густой тенью. Пока я пересекал комнату, приближаясь к нему, он не шевелился, но когда я подошел, он медленно прошептал:

– Все нормально, я не смыкал глаз!

Этого можно было и не говорить, подумал я. Когда я сказал ему, что его смена закончена и он может идти спать до шести часов, он с явным облегчением поспешил удалиться. Однако, не дойдя до двери, он оглянулся и, снова подойдя ко мне, прошептал:

– Я сплю чутко и держу при себе пистолеты. Знаете, мне станет намного лучше, когда я перестану слышать запах, исходящий от мумий.

Так, значит, он тоже, как и я, ощутил эту сонливость!

Я осведомился у сестры, не нужно ли ей что-нибудь. Я заметил, что у нее на коленях лежал флакон с нюхательной солью. Несомненно, она также почувствовала то же влияние, что и я. Она ответила, что у нее есть все необходимое и если ей что-либо понадобится, она тут же даст мне знать. Мне не хотелось, чтобы она заметила мой респиратор, поэтому я направился к стоявшему в тени креслу, которое находилось вне поля ее зрения. Там я медленно надел респиратор и устроился поудобнее.

Некоторое время, показавшееся мне весьма продолжительным, я просто сидел и думал, думал. В голове у меня роились самые разнообразные мысли, что и неудивительно, если вспомнить вчерашний день и вечер. И вновь я погрузился в мысли о египетском запахе; припоминаю, что испытал тогда несказанное удовольствие от того, что не ощущал его, как раньше. Респиратор делал свое дело.

Должно быть, эта мысль привела мой мозг в умиротворенное состояние, которое является причиной расслабления физического, так что мне – хотя я и не помню, чтобы засыпал и просыпался, – было видение, или это был сон? Едва ли смогу сказать точно.

Я все еще сидел в кресле в комнате. На мне был респиратор, и я знал, что могу дышать свободно. Сестра совершенно неподвижно сидела на своем месте, повернувшись ко мне спиной. Больной лежал не шевелясь, своей полной неподвижностью напоминая мертвеца на

смертном ложе. Все больше походило на сцену из спектакля, чем на реальность: все вокруг было неподвижно и безмолвно. Откуда-то снаружи, издали, доносились шумы города: редкий звук колес, крик загулявшего допоздна кутилы, эхо далекого свистка паровоза и грохота вагонов. Освещение комнаты было очень слабым, свет едва пробивался через зеленый абажур лампы. Это даже скорее можно было назвать легким рассеиванием темноты, чем светом. Зеленая шелковая бахрома абажура напоминала огромный изумруд, освещенный лунным светом. Комната, несмотря на темноту, была полна теней. Круговорот моих мыслей привел к тому, что мне стало казаться, будто все реальные вещи в этой комнате превратились в тени – тени, которые приходили в движение на фоне тусклого света высоких окон, тени, которые обладали способностью ощущать. Мне даже показалось, что я услышал какие-то звуки – как будто тихо замыкала кошка, зашуршали занавески, раздался легкий металлический щелчок, будто металлом коснулись металла. Я попытался приподняться в кресле и тут почувствовал, что, как в ночном кошмаре, сон полностью сковал меня и не выпускает из своих объятий, парализовав волю.

В ту же секунду все мои чувства вернулись из мира сна в мир реальности. Истошный крик разорвал тишину, почти оглушив меня. Комната внезапно наполнилась сияющим светом. Раздались звуки пушечных выстрелов – один, два! – и белый дым наполнил комнату. Когда мои глаза наконец привыкли к свету, то, что я увидел, могло заставить меня самого закричать от ужаса.

Глава IV

Вторая попытка

Зрелище, увиденное мною, походило на страшный сон во сне, но его ужас подчеркивался ощущением реальности происходящего. Комната была такой же, какой я видел ее в последний раз, за исключением того, что в ярком свете, лившемся со всех сторон, исчезли тени и каждый предмет теперь был отчетливо виден во всех деталях.

У пустой кровати сидела сестра Кеннеди в той же позе, в которой мои глаза зафиксировали ее последний раз: с совершенно прямой спиной, в кресле, придвинутом к кровати. За спину, чтобы сидеть прямо, она подложила подушку, но ее шея была согнута, как у эпилептика в момент припадка. Она во всех смыслах этого слова окаменела. На ее лице не запечатлелось какое-либо особенное выражение: не было ни страха, ни ужаса, ничего, что можно было бы увидеть на лице человека, находящегося в таком состоянии. В глазах ни удивления, ни любопытства. Она попросту погрузилась в небытие; тело ее было теплым, она продолжала спокойно дышать, просто все, что было вокруг, перестало иметь к ней отношение. Постельное белье было скомкано, как будто лежавшего в кровати человека стянули на пол не раскрывая. Угол одеяла свесился на пол, рядом с ним валялся один из бинтов, которыми доктор перевязал поврежденное запястье. Чуть поодаль на полу лежали и другие обрывки бинтов, как будто указывая направление, в котором следовало искать больного. А лежал он практически на том же самом месте, где его обнаружили прошлой ночью, – у большого сейфа. И снова его левая рука была вытянута по направлению к сейфу. Но эта рука подверглась новому насилию: явно была совершена попытка разорвать руку рядом с тем местом, где был надет браслет с маленьким ключиком. Со стены был снят кривой кинжал в форме листа (один из тех, которыми так умело пользуются различные горные индийские племена), он и послужил орудием нападения. Было очевидно, что кинжал был отведен от руки в самый момент удара, поскольку только кончик кинжала, а не весь клинок коснулся плоти. Как оказалось, верхняя сторона руки была порезана до кости, и из раны ручьем лилась кровь. Кроме того, и старая рана на руке тоже была жестоко порезана или порвана. Из одного разреза толчками била кровь, как будто повторяя каждый удар сердца. У тела отца в луже крови на коленях стояла мисс Трелони, ее белая ночная сорочка была вся в крови. Посреди комнаты сержант Доу, в рубашке, брюках и в одних чулках без обуви, заряжал новые патроны в барабан револьвера, причем делал это отрешенно, механически. У него были сонные красные глаза, казалось, он еще не вполне проснулся и не понимал, что происходит вокруг. Несколько слуг с самыми разнообразными светильниками в руках сгрудились у двери.

Когда я встал с кресла и сделал несколько шагов вперед, мисс Трелони подняла на меня глаза. Увидев меня, она издала крик и вскочила с колен, указывая на меня пальцем. Никогда не смогу я забыть картину, которую она в ту секунду представляла собой: ее белые одежды все забрызганы кровью, которая, когда она поднялась, тонкими ручейками начала стекать вниз к ее босым ногам. Я уверен, что всего лишь заснул. То влияние, которое сказалось на состоянии мистера Трелони, сестры Кеннеди и в меньшей степени сержанта Доу, обошло меня стороной. Респиратор помог мне, хотя и не предотвратил трагедию, последствия которой предстали перед моими глазами. Сейчас я понимаю, и тогда сразу понял, какой ужас, помноженный на предшествующие обстоятельства, должно было вызвать мое появление. На моем лице все еще был респиратор, закрывавший рот и нос, волосы во сне взъерошились. Резко двинувшись по направлению к объятым страхом людям в таком виде в беспорядочно мелькающем свете, я, должно быть, выглядел странно и устрашающе. Хорошо, что я понял это и успел предотвратить еще одну катастрофу: детектив, перезарядив револьвер, действуя

механически, уже поднимал его в моем направлении, когда я рывком сдернул с себя респиратор и крикнул ему, чтобы он не стрелял. Так же механически он выполнил мое приказание: в его красных глазах не было и намека на осознанность действий. Как бы там ни было, опасность миновала. Ситуация разрядилась самым банальным образом: миссис Грант, сообразив, что на ее молодой хозяйке всего лишь ночная рубашка, успела сбегать за платьем и теперь прикрыла им ее. Это простое действие вернуло всех нас к реальности. Глубоко вздохнув, мы обратили свое внимание на самое ужасное, что было в этой комнате, – на лужу крови, которая растекалась под телом раненого. Несмотря на кошмар этого зрелища, я обрадовался, потому что сам факт кровотечения доказывал, что мистер Трелони все еще жив.

Урок прошлой ночи не прошел даром. Многие из присутствующих уже знали, что нужно делать в подобных случаях, и через несколько секунд руки добровольцев накладывали жгут. Сразу же был отправлен человек за доктором, некоторые из слуг удалились. Мы подняли мистера Трелони на диван, на котором он лежал вчера, и, сделав для него все, что было в наших силах, обратили внимание на сестру. За время суматохи ни одна часть ее тела не пошевелилась; она сидела, как и раньше, – неподвижно, выпрямив спину, ровно и глубоко дыша, на лице ее застыла спокойная улыбка. Поскольку было件нятно, что мы ничего не сможем сделать до прихода врача, мы принялись анализировать происшедшее.

К этому времени миссис Грант увела свою хозяйку и передела ее, так что она уже вернулась в комнату в платье и в домашних туфлях, кровь была смыта с ее рук. Теперь она немного успокоилась, хотя ее продолжала бить дрожь, а лицо было белым как мел. Взглянув на руку отца (я держал жгут), она отвернулась и посмотрела на нас, переводя взгляд с одного лица на другое, как будто ища утешения и не находя его. Для меня было очевидно, что она не знала, с чего начать, кому довериться, поэтому я поспешил успокоить ее:

– Со мной все в порядке, я просто заснул.

– Заснул! – Она почти захлебнулась от негодования. – Вы спите, когда мой отец в опасности?! Вы же, кажется, должны были наблюдать за ним!

Ее слова не могли не кольнуть меня, тем более что она была права. Но я действительно хотел, чтобы она успокоилась, поэтому ответил:

– Просто заснул. Это, конечно, нехорошо, я понимаю, но вокруг нас витает нечто большее, чем «просто». Если бы это было не совсем так, я полагаю, что сейчас находился бы в таком же состоянии, как и сестра.

Она тут же перевела взгляд на странную фигуру, сидящую неподвижно в причудливой позе, как раскрашенная статуя, и ее голос смягчился. С присущей ей деликатностью она извинилась:

– Прошу меня простить! Я не хотела быть грубой. Но я сейчас в таком ужасном положении и так напугана, сама не понимаю, что говорю. Каждую секунду я ожидаю новых кошмаров, тайн и загадок!

Ее слова укололи меня в самое сердце.

– Не извиняйтесь передо мной! Я не заслуживаю этого! Я должен был дежурить и заснул. Все, что я могу сказать в свое оправдание, так то, что этого не хотел и старался избежать, но все произошло слишком быстро. В любом случае, что случилось, то случилось, ничего уже изменить нельзя. Возможно, когда-нибудь мы все пойдем, но пока давайте попытаемся разобраться в этой ситуации. Расскажите, что вы помните.

Стремление вспомнить, что же произошло, казалось, вдохнуло в нее новые силы. Она собралась с мыслями и заговорила:

– Я спала и внезапно, как и в прошлый раз, проснулась от этого ужасного ощущения, что моему отцу грозит страшная и близкая опасность. Я вскочила с постели и бросилась в эту комнату в чем была. Тут было темно, как в чулане, но когда я открыла дверь, в комнате стало достаточно светло, чтобы я смогла разглядеть ночную рубашку отца, который лежал

на полу у сейфа точно так, как и вчера ночью. Мне кажется, что потом на какую-то секунду я сошла с ума. – Она замолчала и поежилась.

Я перевел взгляд на сержанта Доу, который все еще бесцельно крутил в руках револьвер. Не отрывая рук от жгута, я обратился к нему:

– Сержант Доу, теперь расскажите нам, в кого стреляли вы.

Мой вопрос привел полицейского в чувство. Оглянувшись на оставшихся в комнате слуг, он сказал со строгостью в голосе, с какой обычно представители закона обращаются к незнакомым:

– Сэр, вам не кажется, что мы уже можем отпустить слуг? Так нам будет проще все обсудить.

Я кивнул в знак согласия, и слуги, поняв, чего от них хотят, неохотно покинули комнату. Последний закрыл за собой дверь, и только после этого сержант продолжил:

– Мне кажется, будет лучше, сэр, если я опишу свои ощущения, а не действия. Так, как они запомнились мне.

Чувствовалось, что его манера держаться значительно изменилась, очевидно, из-за странности ситуации, в которой он оказался.

– Я лег в постель полуодетым (в том, что и сейчас на мне), под подушку спрятал револьвер. Это последнее, что я помню до того, как заснул. Не знаю, сколько я проспал. Электрический свет я выключил, и в комнате было очень темно. По-моему, я услышал крик, но я в этом не уверен, потому что у меня разболелась голова, знаете, как у человека, которого будят сразу после двух рабочих смен подряд! В моем случае, конечно, было не совсем так, в общем, я сразу же подумал о револьвере и, схватив его, выбежал на лестничную площадку. Там до меня донесся крик или, скорее, призыв о помощи, и я побежал в эту комнату. В комнате было темно – лампа рядом с сестрой не горела, так что единственный свет поступал в комнату через открытую дверь. Мисс Трелони стояла на коленях у тела отца и кричала. Мне показалось, что какая-то тень мелькнула между мной и окном, и поэтому я недолго думая – к тому же я еще не совсем проснулся – пальнул в том направлении. Потом я немного сдвинулся вправо к окну и выстрелил еще раз. Затем с того большого кресла встали вы с этой штуковиной на лице. В тот миг мне показалось – повторяю, из-за того, что я еще не окончательно проснулся и сознание мое было как бы наполовину в тумане, что вы, я уверен, примете во внимание, – вы находились там же, где и *то*, во что я стрелял. Поэтому я уже готов был выстрелить еще раз, но тут вы сняли с лица маску.

После этих слов я задал ему вопрос (я перешел на перекрестный допрос и тут уж чувствовал себя в своей тарелке):

– Попытайтесь вспомнить, сэр, что вы видели, какое это могло быть существо.

Сержант призадумался:

– Не знаю, сэр. Мне просто показалось, что там было что-то, но что это было или как выглядело, об этом не имею ни малейшего представления. Может, все произошло из-за того, что я думал о револьвере, когда засыпал, а когда прибежал сюда, проснулся только наполовину. Надеюсь, что в будущем, сэр, вы учтете это.

Он делал упор на этом обстоятельстве, как будто это была его последняя надежда на спасение. В мои планы не входило его в чем-либо обвинять, наоборот, я хотел, чтобы он оставался с нами. Кроме того, я и сам проявил себя не с лучшей стороны, поэтому как можно более вежливо сказал:

– Все верно, сержант. Ваши импульсивные действия были правильными, хотя, разумеется, вряд ли можно было бы ожидать, что вы, находясь в полусонном состоянии и еще не совсем выйдя из-под воздействия – что бы это ни было, – которое заставило заснуть меня и погрузило в каталептический транс сестру, станете тратить время на раздумья. Но давайте

теперь по горячим следам попробуем восстановить, где конкретно стояли вы, где сидел я. Так мы сможем проследить траекторию пуль, выпущенных из вашего револьвера.

Перспектива активных действий и проверки его рабочих навыков как будто сразу же заставила его собраться. Он выглядел другим человеком, когда принялся за работу. Я попросил миссис Грант подержать жгут, а сам встал на место, где находился сержант, и посмотрел в ту погруженную во тьму точку, на которую он указывал. Когда он показывал мне, где стоял или как вытаскивал револьвер из кобуры, чтобы указать, куда стрелял, я не мог не обратить внимания на механическую точность его памяти. Кресло, с которого вставал я, все еще находилось на том же самом месте, что и раньше. Я попросил детектива указать рукой, куда он стрелял, потому что хотел пройти по направлению, в котором летели его пули.

Сразу за моим креслом, чуть-чуть позади него, стоял большой инкрустированный шкаф, его стеклянная дверца была разбита. Я спросил:

– В этом направлении вы выстрелили первый раз или это был ваш второй выстрел?

Ответ последовал незамедлительно:

– Второй. Первый раз я стрелял вон туда!

Он немного повернулся влево, к стене, у которой стоял сейф, и указал направление. Я последовал в указанную им точку и наткнулся на небольшой столик, на котором помимо прочих диковинных вещей покоилась мумия кошки, раздражавшая Сильвио. Вооружившись свечой, я легко обнаружил след, оставленный пулей. Она разбила маленькую стеклянную вазу и плоскую широкую черную чашу из базальта, изысканно украшенную иероглифами. Вырезанные линии были наполнены каким-то легким зеленым цементомподобным веществом, а весь сосуд был отполирован до блеска. Пуля, сплюснутая от удара о стену, лежала на столе.

Я вернулся к разбитому шкафу. Он явно использовался для хранения ценных редкостей: в нем лежало несколько больших жуков-скарабеев, изготовленных из золота, агата, зеленой яшмы, аметиста, ляпис-лазури, опала, гранита и сине-зеленого фарфора. К счастью, ни один из этих предметов не пострадал. Пуля прошла через заднюю стенку шкафа, и никаких других повреждений, кроме разбитого стекла, видно не было. В глаза мне бросился странный порядок, в котором были расставлены экспонаты на полке шкафа. Все скарабеи, кольца, амулеты и т. д. были расставлены неровным овалом вокруг миниатюрной резной фигурки из золота, изображавшей увенчанного диском и плюмажем бога с головой сокола. Я не стал тратить времени на дальнейшее дотошное изучение, поскольку мое внимание требовалось для более насущных вопросов, но для себя отметил, что вернусь сюда, когда будет время, и все осмотрю тщательнее. От этих старинных вещиц исходил явственный египетский запах, через разбитое стекло пробивался еще и аромат благовоний, камеди и битума, пожалуй, даже сильнее, чем от остальных предметов в этой комнате.

На все мои действия ушло всего несколько минут, и я был порядком удивлен, когда заметил, что в щели между занавесками и окнами пробиваются лучи зарождающегося рассвета. Когда я вернулся к дивану и взял у миссис Грант жгут, она подошла к окнам и раздвинула шторы.

Трудно себе представить что-либо более жуткое, чем вид этой комнаты в сером призрачном свете раннего утра. Поскольку окна выходили на север, весь свет, поступавший в комнату, был серым, без намека на розовый оттенок, который отличает рассветы на восточной стороне горизонта. Электрический свет казался тусклым и в то же время слепящим, все тени приобрели четкость. В комнате не чувствовалось ничего от утренней свежести, не ощущалась и мягкость ночи. Все было жестким, холодным и невыразимо унылым. Лицо бесчувственного человека на диване имело жуткий желтый оттенок, а лицо сестры в свете горевшей на столе лампы казалось зеленым. Только лицо мисс Трелони было белым, и эта

бледность отзывалась болью в моем сердце. В ту минуту казалось, что ничто на всем свете не сможет вернуть этому лицу цвет жизни и счастья.

Общее напряжение спало, когда в комнате появился доктор Винчестер. Переводя дыхание от бега, он задал только один вопрос:

– Кто-нибудь может хоть как-нибудь объяснить появление этих ран?

Обведя нас взглядом и не дождавшись положительного ответа, он, не говоря ни слова, приступил к своим обязанностям врача. В какой-то момент он бросил взгляд на сидящую неподвижно сестру, но тут же, хмуро сдвинув брови, продолжил работу, время от времени прося передать ему какой-либо необходимый инструмент или помочь каким-либо другим образом. Только после того, как артерии были соединены, а раны перебинтованы, он обратился к мисс Трелони с вопросом:

– Что с сестрой Кеннеди?

Ответ последовал незамедлительно:

– Я не знаю. Когда я вошла в комнату, это было в половине третьего, я увидела ее сидящей в той же позе, что и сейчас. Мы ее не передвигали и положения ее не меняли. С тех пор она так и не пришла в себя. Даже выстрелы сержанта Доу не побеспокоили ее.

– Выстрелы? Так, значит, вы выяснили причину происходящего здесь?

Все промолчали, поэтому ответил я:

– Мы ничего не выяснили. Я дежурил в комнате вместе с медсестрой. Вечером до этого я сообразил, что запахи мумий нагоняют на меня сон, поэтому сходил в магазин и купил респиратор. Я надел его, когда заступал на пост, но это не помогло, и я все равно заснул, а проснулся, когда в комнате уже было полно людей: тут были и мисс Трелони с сержантом Доу, который находился еще в полусонном состоянии и к тому же под воздействием запаха или того, что одурманило всех здесь присутствовавших. Ему показалось, что в темноте движется какая-то тень, и он дважды выстрелил. Когда я встал с кресла, на моем лице все еще оставался респиратор, и он принял меня за преступника, естественно, собрался снова выстрелить, но я вовремя успел снять респиратор. Мистер Трелони лежал у сейфа так же, как и в прошлый раз, из новых ран на его руке текла кровь. Мы перенесли его на диван и наложили жгут. Вот все, что нам пока известно. Мы не трогали нож, который, как вы видите, лежит возле лужи крови. Вот смотрите! – сказал я, подойдя к этому месту и подняв нож. – Его кончик красный от уже высохшей крови.

Доктор Винчестер несколько минут постоял молча и наконец сказал:

– Получается, что этой ночью ничего не прояснилось?

– Совершенно верно! – подтвердил я. На это он никак не отозвался, но, повернувшись к мисс Трелони, предложил:

– Лучше перенести сестру Кеннеди в другую комнату. Полагаю, с этим у нас проблем не будет?

– Никаких! Прошу вас, миссис Грант, проследите, чтобы для сестры Кеннеди приготовили комнату, и попросите двух мужчин перенести ее туда.

Миссис Грант тотчас же вышла. Через несколько минут она вернулась и сообщила:

– Комната готова, люди пришли.

Следуя ее указаниям, двое слуг вошли в комнату и, приподняв негнущееся тело сестры Кеннеди, под надзором доктора вынесли ее из комнаты. Мисс Трелони осталась со мной, а миссис Грант последовала за доктором в комнату сестры.

Когда мы остались одни, мисс Трелони подошла ко мне и, взяв меня за руки, сказала:

– Надеюсь, вы забудете мои слова. Я была в отчаянии и не понимала, что говорю.

Я ничего не ответил, только сжал ее руки и поцеловал их. Целовать женские руки можно по-разному, но мой поцелуй был лишь выражением уважения, почтительного отношения. Мисс Трелони приняла его с достоинством и благородством, которые были свой-

ственны каждому ее движению, каждому слову. Я подошел к дивану и посмотрел на лежащего без сознания мистера Трелони. За несколько последних минут рассвет уже набрал силы, стало ощущаться некое подобие дневного света. Когда я смотрел на строгое холодное застывшее лицо, в жемчужно-белом свете походившее на мраморное изваяние, меня снова посетило ощущение того, что за всем, произошедшим за последние двадцать шесть часов, кроется какая-то загадка. Неспроста были сдвинуты брови; высокий широкий лоб олицетворял собой какую-то законченную мысль, которую широкий подбородок и массивная челюсть должны были помочь высказать. Пока я всматривался в лицо и размышлял, на меня опять накатили волны, которые ночью предшествовали приходу сна. Я воспротивился им и резко вернул себя к действительности. Это оказалось не настолько сложно, так как в эту секунду ко мне подошла мисс Трелони и, склонив голову мне на плечо, безмолвно расплакалась. В тот же миг во мне проснулись все качества, присущие мужчине. Пытаться выразить что-либо словами было бессмысленно, не было таких слов, которые могли бы передать то, что творилось в душе. Но мы поняли друг друга и без слов; она не отстранилась, когда я обнял ее за плечи, как обнимал когда-то давно маленькую сестру, которая со своими детскими проблемами искала защиты у старшего брата. Этот символический акт защиты наполнил меня решительностью, очистил мой разум от вялых, тягучих, навевающих сон мыслей. Однако инстинкт защитника заставил меня сдернуть руку с ее плеча, когда я услышал за дверью приближающиеся шаги доктора.

Войдя в комнату, он первым делом внимательно осмотрел пациента и лишь потом заговорил, при этом брови его сдвинулись над переносицей, а рот превратился в тонкую четкую линию:

– Есть много общего в состоянии вашего отца и сестры Кеннеди. Какое бы воздействие ни было на них оказано, вероятно, оно идентично в обоих случаях. У Кеннеди транс выражен менее заметно. Я считаю, что в ее случае мы сможем добиться большего и быстрее, чем с нашим больным, поскольку руки у нас ничем не связаны. Я уложил ее на сквозняк, и уже стали проявляться признаки обычной потери сознания, хотя пока еще очень слабые. Жесткость ее конечностей начинает уменьшаться, а кожа становится более чувствительной или, лучше сказать, менее нечувствительной к боли.

– Почему же тогда, – спросил я, – мистер Трелони по-прежнему находится в таком бесчувственном состоянии, хотя его тело, насколько нам известно, совсем не потеряло гибкости?

– На этот вопрос я не могу дать ответа. Проблема, возможно, будет решена в течение нескольких часов, а возможно, и дней. Но постановка правильного диагноза будет полезна и нам, и, вероятно, многим-многим другим после нас, кто знает! – добавил он с выражением человека, всей душой преданного своему делу.

Все утро он сновал из одной комнаты в другую, наблюдая за состоянием обоих пациентов. По его распоряжению миссис Грант осталась с сестрой, а с раненым постоянно находились либо я, либо мисс Трелони, а чаще мы вместе. Как ни странно, нам удалось каким-то образом выкроить время, чтобы принять ванну и переодеться, а пока мы обедали, с мистером Трелони оставались доктор и миссис Грант.

Сержант Доу отправился в Скотленд-Ярд составлять отчет о прошедшей ночи, а потом зашел в местный участок, чтобы вызвать своего коллегу Райта, как было условлено со старшим офицером Доланом. Когда он вернулся в дом, его вид не оставлял сомнений в том, что ему здорово попало за стрельбу в комнате пациента, а может даже просто за стрельбу без определенных и веских оснований. Его замечание, брошенное мне, несколько прояснило ситуацию:

– Что бы там ни говорили, сэр, но добрая репутация еще что-то значит! По крайней мере, мне не запретили носить револьвер.

Тот день был долгим и беспокойным. Ближе к ночи состояние сестры Кеннеди значительно улучшилось, ее конечности вновь полностью обрели былую гибкость. Ее дыхание по-прежнему было ровным и регулярным, однако спокойное, хоть и застывшее, выражение ее лица теперь уступило место другому: глаза были закрыты, и казалось, что она погрузилась в сон. Вечером доктор Винчестер привез еще двух сестер, одна из которых должна была оставаться с сестрой Кеннеди, а вторая – сменять на дежурстве мисс Трелони, которая настаивала на том, что будет дежурить сама лично. Готовясь к дежурству, она поспала несколько часов днем. Мы собрались на небольшой совет и решили, кто и когда будет дежурить в комнате мистера Трелони. Миссис Грант будет оставаться с пациентом до двенадцати, когда ее должна сменить мисс Трелони. Новая сестра будет оставаться в комнате мисс Трелони и заходить к больному каждые пятнадцать минут. Доктор также будет дежурить до двенадцати, потом его сменю я. Один из детективов проведет рядом с комнатой всю ночь и будет регулярно заходить и проверять, все ли в порядке. Таким образом, наблюдение будет вестись и за самими наблюдателями, чтобы полностью исключить повторения событий прошлой ночи, когда больной остался без обоих наблюдателей одновременно.

Когда зашло солнце, нас всех охватило какое-то беспокойство, каждый по-своему начал готовиться к дежурству. Доктор Винчестер взял на вооружение мой опыт и отправился в магазин за респиратором. Доктор проявил такой интерес к идее с респиратором, что я посчитал необходимым убедить и мисс Трелони обезопасить себя подобным образом во время дежурства.

Настала ночь.

Глава V

Новые странные указания

Когда в половине двенадцатого я пришел из своей комнаты в комнату больного, там все было спокойно. Новая сестра, подтянутая, аккуратная и внимательная, сидела у кровати в кресле, где прошлой ночью сидела сестра Кеннеди. Доктор Винчестер занял позицию в некотором отдалении, между кроватью и сейфом. Он не смыкал глаз и был постоянно настороже. В респираторе, закрывавшем рот и нос, он выглядел довольно странно, если не сказать комично. Пока я стоял в дверях и рассматривал их, сзади послышался легкий шум. Я обернулся и увидел вновь прибывшего детектива, который кивнул мне, сделал рукой знак молчать и, не произнеся ни звука, удалился. Стало ясно, что никто из наблюдателей не поддался сну.

Рядом с дверью в комнату я поставил стул: мне не хотелось подвергать себя опасности попасть в ту же ситуацию, что и вчера. Мои мысли, разумеется, крутились вокруг событий вчерашних дня и ночи. Они стали складываться в какие-то неожиданные для меня самого выводы, сомнения и предположения, но я не погрузился с головой в теплые, успокаивающие воды размышлений, как прошлой ночью, чувство реальности, как никогда, было со мной, я чувствовал себя, как часовой на посту. Работа ума – не такой уж медленный процесс, и когда думаешь о важном, время может лететь очень быстро. Довольно скоро, как мне показалось, дверь, которая оставалась чуть-чуть приоткрытой, распахнулась и из комнаты вышел доктор Винчестер, на ходу снимая с лица респиратор. Он вывернул его оболочкой наружу и осторожно понюхал.

– Я уйду, – сказал он. – Рано утром вернусь, если, конечно, за мной не пришлют раньше. Сегодня, кажется, все спокойно.

Затем появился сержант Доу. Он тихо вошел в комнату и занял место, освобожденное доктором. Я по-прежнему оставался снаружи, но каждые несколько секунд заглядывал в комнату. Это делалось скорее для формы, чем ради какой-то определенной цели, поскольку в комнате было так темно, что даже в свете, просачивающемся из коридора, трудно было что-либо разглядеть.

За несколько минут до полуночи из своей комнаты появилась мисс Трелони. До того как отправиться к отцу, она побывала в комнате сестры Кеннеди. Через несколько минут она оттуда вышла, как мне показалось, в несколько более приподнятом настроении. Она несла в руках свой респиратор, но перед тем как надеть его, спросила, не произошло ли чего-нибудь необычного с того момента, когда она пошла спать. Тихим шепотом – поскольку ночью в доме громко не разговаривали – я ответил, что все было хорошо, не случилось ничего особенного. Потом мы натянули на лица респираторы и вошли в комнату. Детектив и сестра поднялись, и мы заняли их места. Последним из комнаты вышел сержант Доу. Он, как мы договорились, закрыл за собой дверь.

Некоторое время я сидел молча, но мое сердце билось беспокойно. Помещение заполняла зловещая темнота. Единственным источником света была тусклая лампа, но из тьмы она выхватывала лишь круг на потолке, если не считать изумрудного мерцания освещенного ею изнутри абажура. Свет, казалось, только подчеркивал темноту, царившую в комнате. У меня, как и прошлой ночью, стало складываться впечатление, что эта темнота начала жить своей собственной жизнью, обретая способность ощущать, что творится под ее покровом. Мне совершенно не хотелось спать, и, более того, подходя каждые несколько минут к постели пациента, я замечал, что мисс Трелони тоже была настороже. Каждую четверть часа один из полицейских, слегка приоткрыв дверь, заглядывал в комнату. И мисс Трелони,

и я, не снимая респираторов, каждый раз говорили им: «Все нормально», после чего дверь снова закрывалась.

С течением времени ощущение полной тишины и темноты только усиливалось. Освещенный круг на потолке никуда не делся, но теперь он казался не таким ярким, как вначале. Зеленый абажур лампы по цвету сейчас скорее напоминал серовато-белый маорийский нефрит, чем насыщенно-зеленый изумруд. Ночные звуки, доносившиеся с улицы, и свет звезд, неяркими полосами пробивавшийся вдоль оконных рам, делали темноту, царившую внутри, еще более мрачной и загадочной.

До двух часов до наших ушей из коридора доносился бой часов, серебряный колокол которых отсчитывал каждые четверть часа, но как только пробило два, меня охватило странное чувство. По движениям мисс Трелони, которая начала оглядываться по сторонам, я понял, что и она что-то почувствовала. В комнату заглянул детектив Райт, и мы на следующие пятнадцать минут снова остались в комнате одни с человеком, лежащим без сознания.

Мое сердце забилося с бешеной скоростью. Меня с головой охватило ощущение ужаса. Но это был не мой внутренний страх, который обезличен и не имеет четкой формы. Возникло ощущение, что в комнате появился кто-то посторонний, некая мыслящая субстанция находилась рядом со мной. Что-то коснулось моей ноги. Я поспешно опустил руку и наткнулся на пушистую шерсть Сильвио. Издав какой-то приглушенный звук, напоминающий рычание, он повернулся ко мне и ударил лапой по руке. Я почувствовал, что на руке выступила кровь. Тогда я медленно поднялся и сделал несколько шагов в сторону кровати. Мисс Трелони тоже поднялась, она всматривалась во что-то, находящееся рядом с ней, но вне поля моего зрения. Ее глаза округлились, а грудь то поднималась, то опускалась, как будто ей не хватало воздуха. Когда я прикоснулся к ней, она, похоже, этого даже не заметила, ее руки были вытянуты вперед, она как будто что-то отталкивала от себя.

Нельзя было терять ни секунды. Я обхватил ее руками и увлек с собой к двери. Толчком распахнув дверь, я выскочил в коридор и громко закричал: «На помощь! На помощь!» В тот же миг оба детектива, миссис Грант и сестра оказались рядом с нами. Сразу за ними прибежали несколько слуг, и мужчины, и женщины. Первой ко мне бросилась миссис Грант, я передал мисс Трелони в ее руки и кинулся назад в комнату, на ходу включив электрическое освещение. Сержант Доу и сестра последовали за мной.

Мы появились как раз вовремя. Рядом с большим сейфом, на том же месте, где и предыдущие две ночи, лежал мистер Трелони, левая рука которого, если не считать оставшиеся на месте бинты, была обнажена. Рядом с ним лежал листообразный египетский нож, который до того находился среди других вещей на полке шкафа с разбитым стеклом. Нож торчал в паркетном полу, где раньше лежал залитый кровью ковер.

Но больше в комнате не было видно никаких изменений, ни намек на чье-либо присутствие или что-нибудь необычное. Пока оба полицейских и я внимательно обследовали комнату, двое слуг с помощью сестры отнесли раненого на кровать. Мы не обнаружили ровным счетом ничего, что могло бы пролить свет на происшедшее. Через несколько минут в комнату вернулась мисс Трелони. Она была бледна, но собрана. Подойдя ко мне, она тихо сказала:

– Я почувствовала, что теряю сознание. Не знаю почему, но я испугалась!

Единственным, что в ту ночь еще раз заставило учащенно биться мое сердце, стал крик мисс Трелони, который раздался, когда я, опершись рукой на кровать, собрался поближе рассмотреть ее отца. Она закричала:

– Вы ранены! Смотрите! Смотрите! У вас на руке кровь. И на одеяле кровь! – После всех переживаний я совсем забыл о ране, которую нанес мне Сильвио. Когда я посмотрел на свою руку, я все вспомнил, но не успел промолвить и слова, как мисс Трелони схватила мою руку и подняла ее. Увидев параллельные царапины, она снова закричала:

– Это такие же раны, как и у отца! – Потом аккуратно, но быстро опустив мою руку, она обратилась ко мне и сержанту Доу: – Давайте пойдем со мной в мою комнату! Сильвио лежит там в своей корзинке.

Мы последовали за ней и действительно обнаружили Сильвио сидящим в своей корзине. Он был занят тем, что облизывал лапы. Детектив сказал:

– Он действительно здесь, однако странно, зачем бы ему сейчас вылизывать свои лапы?

Легкий стон вырвался из уст Маргарет... мисс Трелони, когда она нагнулась и взяла кота за одну из передних лап. Тому это, кажется, не понравилось, он издал угрожающий звук. В эту секунду в комнату вошла миссис Грант. Увидев, что мы уставились на кота, она сказала:

– Сестра сказала мне, что Сильвио, как только вы ушли к своему отцу, пришел в комнату сестры Кеннеди и все это время спал там. Сестра говорит, что сестра Кеннеди стонет и что-то бормочет во сне, будто ей снятся кошмары. Мне кажется, стоит послать за доктором Винчестером.

– Да, пожалуйста, пошлите кого-нибудь как можно скорее, – распорядилась мисс Трелони, и все мы отправились обратно в комнату.

Некоторое время мисс Трелони постояла над неподвижным телом отца, в задумчивости сдвинув брови, а потом с видом человека, принявшего окончательное решение, повернулась ко мне и произнесла:

– Не кажется ли вам, что нам необходимо проконсультироваться с кем-нибудь по поводу состояния отца? Я, конечно, безгранично доверяю доктору Винчестеру, это способный молодой человек, но он молод. Должны же быть какие-то специалисты, которые всю жизнь посвятили изучению подобных вопросов. Такой специалист, естественно, обладает большим опытом и знаниями, и это сможет помочь нам пролить свет на состояние бедного отца. Сейчас, по крайней мере, создается впечатление, что доктор Винчестер блуждает в потемках. Боже! Я уже не знаю, что мне делать, все это так ужасно! – Тут она ненадолго потеряла самообладание и расплакалась. Я попытался успокоить ее.

Доктор Винчестер прибыл очень скоро. Первым делом он бросился к своему пациенту, но, не найдя на его теле новых ран, направился к сестре Кеннеди. Когда доктор увидел ее нынешнее состояние, в его глазах появился лучик надежды. Он взял полотенце и, обмакнув один из его углов в холодную воду, слегка ударил им по щеке сестры. Кожа на лице тут же порозовела, спящая слегка пошевелилась. Доктор обратился к новой сестре (он называл ее сестрой Дорис):

– С ней все хорошо. Через несколько часов она придет в себя. Поначалу она будет испытывать головокружение или потеряет память, возможно, у нее будет истерика. В этом случае вы знаете, что делать.

– Да, сэр! – серьезно ответила сестра Дорис, и все мы снова направились в комнату мистера Трелони. Как только мы вошли, миссис Грант и вторая сестра вышли, и в комнате остались доктор Винчестер, мисс Трелони и я. Когда закрылась дверь, доктор Винчестер попросил меня рассказать, что произошло. Я ему описал все очень подробно, не упуская ни единой детали, так, как события отложились у меня в памяти. За время моего повествования, впрочем не очень долгого, доктор то и дело задавал вопросы относительно того, кто находился в комнате, в каком порядке в комнату приходили люди. Он интересовался и другими деталями, но это и все, больше из нашего разговора мне ничего не запомнилось. Когда я закончил свой рассказ, он с решительным видом обратился к мисс Трелони:

– Я полагаю, мисс Трелони, что в случае с вашим отцом нам лучше обратиться за консультацией к специалисту.

Ее ответ прозвучал в ту же секунду, что несколько озадачило доктора:

– Я рада, что вы сами об этом заговорили. Я полностью с вами согласна. Кого бы вы посоветовали?

– А нет ли у вас кого-нибудь на примете? – ответил он вопросом на вопрос. – Может быть, ваш отец был с кем-то знаком? Он когда-нибудь к кому-нибудь обращался?

– Насколько я знаю, нет. Но я надеюсь, что вы посоветуете нам специалиста, которого считаете лучшим в своей области. Для моего бедного отца любая помощь будет полезна. Вы меня очень обяжете, если поможете определиться с выбором. Кто в Лондоне – или вообще в мире – самый лучший специалист по таким вопросам?

– Есть несколько хороших специалистов, но все они живут в разных точках планеты. Как ни странно, специалистами по головному мозгу рождаются, а не становятся. Хотя чтобы стать действительно хорошим специалистом и заниматься этим делом в дальнейшем, тоже требуется немало усилий. Такие люди не принадлежат какой-то одной стране. На сегодняшний день лучшим считается японец Чуни, но его скорее можно назвать экспериментатором по хирургии, чем практиком. Есть еще Цаммерфест из Упсалы, Фенелон из Парижского университета и Морфесси из Неаполя. Это, разумеется, помимо наших английских специалистов: Моррисона из Абердина и Ричардсона из Бирмингема. Но выше всех я ставлю Фрере из Кингс-колледжа. Из тех, кого я назвал, он лучше других умеет увязывать теорию с практикой. Он не делает предпочтения какой-то конкретной области своей науки, как все перечисленные мной, и опыта ему не занимать. Для нас – тех, кто восхищается его талантом, неизмеримо тяжко осознание того, что такой выдающийся ум, такие искусные руки рано или поздно оставят этот мир. Всем другим я бы предпочел Фрере.

– Что ж, – решительно заявила мисс Трелони, – тогда мы обратимся к доктору Фрере. Сделаем это утром, как можно раньше. Кстати, как к нему обращаться: «доктор» или «мистер»?

С плеч доктора Винчесетра словно спал тяжелый груз, и он заговорил намного свободнее и веселее, чем прежде:

– Его зовут сэръ Джеймс Фрере. Я сам поеду к нему завтра утром, как можно раньше. Я попрошу его немедленно приехать сюда. – Потом он обратился ко мне: – Вам надо бы перевязать рану на руке.

– Да пустяки! – запротестовал было я, но доктор настаивал:

– Все равно руку следует осмотреть. Любая рана, нанесенная животным, может оказаться опасной. Всегда лучше перестраховаться.

И я подчинился. Тотчас доктор начал перевязку. Сначала он через увеличительное стекло осмотрел параллельные царапины и сравнил их с промокательной бумагой, на которой были отметины от когтей Сильвио (ее он достал из своей записной книжки). Вернув бумагу на место, он заметил:

– Очень жаль, что Сильвио имеет возможность свободно проникать в комнату и покидать ее, несмотря на то что не должен этого делать.

Утро наступало медленно. К десяти часам сестра Кеннеди уже пришла в себя настолько, что могла сидеть и членораздельно разговаривать. Однако мысли в ее голове все еще были затуманены, и она не могла вспомнить ничего из того, что приключилось с того момента, как ночью она заняла свое место возле кровати больного. Создавалось такое впечатление, что она не знает или не хочет ничего знать о событиях той ночи.

Было уже почти одиннадцать часов, когда доктор Винчестер вернулся с сэром Джеймсом Фрере. Когда я с лестничной площадки заметил их внизу в холле, сердце у меня сжалось: я знал, что мисс Трелони вновь придется признаваться незнакомому ей человеку в том, как мало она знает о своем отце.

Сэр Джеймс Фрере был из тех людей, которые вызывали к себе уважение. Он настолько четко знал, чего хочет, что не обращал внимания на пожелания и идеи менее значимых персон. Его пронизывающий взгляд, решительно очерченный рот и движение густых бровей

уже сами по себе требовали незамедлительного и старательного исполнения его желаний. Каким-то непонятным образом, когда мы все представились и он влился в нашу компанию, тяготившее нас ощущение тайны куда-то улетучилось. Я с надеждой в душе проводил его глазами, когда в сопровождении доктора Винчестера он направился в комнату больного.

Там они оставались долго. Вскоре они вызвали к себе сестру, одну из новых, Дорис, но она недолго задержалась с ними. Потом, опять же вместе, они прошли в комнату сестры Кеннеди. Сэр Джеймс Фрере распорядился приставить к ней сиделку. Доктор Винчестер впоследствии рассказал мне, что сестра Кеннеди, хотя и совершенно ничего не знала о событиях, произошедших за время ее беспамятства, дала полные и внятные ответы на все вопросы доктора Фрере относительно состояния мистера Трелони, в котором он пребывал до того момента, когда она потеряла сознание. Затем они удалились в кабинет, где оставались так долго, а доносившиеся оттуда голоса, свидетельствующие о происходящем там нешуточном споре, зазвучали так громко, что мне стало неловко. Что касается мисс Трелони, то она уже практически была на грани обморока, когда они вышли к нам. Бедная девушка! На нее свалилось такое горе! После всех переживаний ее нервная система была почти полностью истощена.

Наконец двери кабинета распахнулись и они вышли. Сначала сэр Джеймс, с лицом, хмурым как у сфинкса, следом за ним – доктор Винчестер, его лицо было белым как простыня. У меня сложилось такое впечатление, что еще пару секунд назад его лицо, напротив, полыхало огнем. Сэр Джеймс пригласил мисс Трелони войти в кабинет. Мне также было предложено пройти с ними. Когда мы вошли, сэр Джеймс повернулся ко мне и сказал:

– Со слов доктора Винчестера я понял, что вы – друг мисс Трелони и знаете все, что здесь происходило, в подробностях. Возможно, будет нелишним, если вы останетесь с нами. Я наслышан о вас, мистер Росс, как о прекрасном адвокате, но не имел удовольствия познакомиться с вами лично. Поскольку доктор Винчестер утверждает, что в этом деле полно загадок, которые, похоже, поставили его и других в тупик, а, как он утверждает, для вас они представляют особенный интерес, возможно, неплохо будет держать вас в курсе событий. Лично я особенно не верю в загадки, кроме загадок науки, разумеется, и поскольку имеет место подозрение в попытке совершения убийства или ограбления, все, что я могу сказать, это: прежде чем совершить еще одну попытку, убийцам следовало бы подучить анатомию, поскольку они действовали совершенно безграмотно. Если их целью был грабеж, то и тут они действовали с вопиющей безалаберностью. Впрочем, это не мое дело. – Тут он затянулся огромной дозой нюхательного табака, после чего продолжил, повернувшись к мисс Трелони: – Теперь, что касается больного. Если оставить в стороне причины его нынешнего состояния, все, что на данный момент мы можем с уверенностью утверждать, это то, что пациент страдает от сильнейшего приступа каталепсии. Сейчас сделать ничего нельзя, кроме как поддерживать в нем силы. Я в общем поддерживаю методы лечения, предложенные моим другом доктором Винчестером. Я абсолютно уверен в том, что, если в состоянии больного произойдут хоть малейшие изменения, доктор Винчестер будет в состоянии принять адекватные меры. Это любопытный случай, очень любопытный! Если будет происходить что-либо необычное, я с удовольствием приеду снова в любое время. Есть лишь один аспект, к которому я хотел бы привлечь ваше внимание, и сейчас я обращаюсь к вам, мисс Трелони, поскольку это на вашей ответственности. Доктор Винчестер проинформировал меня, что вы не можете свободно действовать в данной ситуации, ваши руки связаны указаниями, оставленными вам отцом на случай возникших обстоятельств. Я настоятельно рекомендую вам перевести больного в другое помещение или, в качестве альтернативы, из его комнаты убрать все эти мумии и тому подобное. Любого человека посади в такую обстановку и заставь дышать таким воздухом, и он тоже начнет видеть вокруг себя кошмары. Вы уже имели возможность убедиться, какое воздействие может оказать такой запах. Та

сестра – кажется, Кеннеди, так вы ее назвали, доктор? – еще не совсем вышла из каталептического состояния, и вы, мистер Росс, как мне сказали, тоже испытали нечто похожее. Могу с уверенностью сказать одно, – тут его брови насупились еще сильнее, а губы еще больше напряглись, – если бы я был здесь главным, я бы настаивал на том, что пациенту необходима смена атмосферы, или же вообще отказался бы от ведения дела в дальнейшем. Доктор Винчестер уже поставлен в известность, что дальнейшие мои консультации возможны только при выполнении этого условия. Я не сомневаюсь, что вы, как и подобает хорошей дочери, примете правильное решение, основанное на заботе о физическом и духовном здоровье отца, а не на его причудах, вызванных либо страхами, либо дешевыми «мистическими» загадками. К счастью, не настал еще тот день, когда Британский музей и Сент Томас Госпитал поменяются ролями. Всего хорошего, мисс Трелони. Я искренне надеюсь в скором времени увидеть вашего отца здоровым. Не забывайте, что вы можете рассчитывать на мою помощь в любое время дня и ночи, но только при условии, что будут выполнены те элементарные требования, которые я изложил выше. Всего доброго, мистер Росс. Надеюсь скоро снова с вами встретиться, доктор Винчестер.

Когда он ушел, никто из нас не проронил ни слова до тех пор, пока не стих грохот колес его экипажа. Первым решился нарушить молчание доктор Винчестер:

– Думаю, будет излишним сказать, что с точки зрения медицины он совершенно прав. По-моему, я его чем-то обидел, раз он выставил нам такие условия. Но все равно, что касается лечения, он полностью прав. Он, правда, не понимает, что данный конкретный случай не похож на все остальные, и не поймет, в какие рамки мы все поставлены указаниями мистера Трелони. Конечно же...

Его монолог прервала мисс Трелони:

– Доктор Винчестер, вы тоже хотите отказаться от этого дела или вы готовы продолжать, не нарушая известные вам указания?

– Отказаться?! Ну уж нет, сейчас меньше всего! Мисс Трелони, я буду с вами до конца дней, отведенных жизнью вашему отцу и каждому из нас!

Она ничего не ответила, лишь протянула руку, которую он сердечно пожал.

– Итак, – начала мисс Трелони, – если эти хваленые специалисты все такие же, как сэр Джеймс Фрере, я больше не желаю иметь с ними дела. Во-первых, он может сказать что-нибудь о состоянии моего отца не больше, чем вы, и если бы у него была хоть сотая доля вашей заинтересованности в этом деле, он бы не был столь педантичен. Конечно, я ужасно переживаю за состояние моего бедного отца, и, если я увижу, что есть хоть какой-то способ выполнить предписания сэра Джеймса Фрере, я их выполню. Сегодня я приглашу сюда мистера Марвина и спрошу его, насколько четки рамки условий, поставленных отцом. Если он скажет, что я имею право взять на себя ответственность и действовать по своему собственному усмотрению, я так и поступлю.

После этих слов доктор удалился, а мисс Трелони села писать письмо мистеру Марвину, в котором изложила нынешнее положение вещей и попросила его приехать и привезти любые бумаги, которые могли бы пролить свет на это дело. Она отправила письмо с экипажем, который должен был привезти адвоката, а мы остались терпеливо дожидаться его приезда.

От Кенсингтонпэлэс-гарденс до Линкольнс-инн-филдз недолгий путь, но, если ты кого-нибудь ждешь с нетерпением, время ожидания покажется тебе вечностью. Впрочем, все в мире подвластно времени, и прошло в общей сложности меньше часа до того момента, когда мистер Марвин предстал перед нами.

Когда ему подробно рассказали о болезни мистера Трелони, он, понимая состояние мисс Трелони, обратился к ней:

– Я могу в любой момент обсудить с вами детали инструкций, оставленных вашим отцом, как только вы будете готовы.

– Прекрасно, если вы готовы, почему бы это не сделать прямо сейчас! – воскликнула она, явно не поняв значение его слов. Он вопросительно взглянул на меня и неуверенно произнес:

– Мы не одни.

– Я специально пригласила мистера Росса, – ответила она. – Он уже очень многое знает об этом деле, и мне бы хотелось, чтобы он знал еще больше.

Адвокат пришел в некоторое замешательство, что для тех, кто знал его лишь по залу суда, выглядело просто невероятно. С сомнением в голосе он ответил:

– Но, дорогая юная леди, это же воля вашего отца! Конфиденциальность отношений между отцом и детьми...

Она прервала его (на ее бледных щеках заиграл румянец):

– Мистер Марвин, вы что, действительно полагаете, что эти правила уместны в сложившихся обстоятельствах? Мой отец никогда ничего не рассказывал мне о своих делах. Я попала в такое положение, когда мне приходится узнавать его волю через человека, которого не знаю и о котором даже никогда не слышала до того момента, как мне в руки попало письмо отца, написанное специально на случай чрезвычайной ситуации. Я знаю мисера Росса недавно, но я полностью ему доверяю и хочу, чтобы он присутствовал. Конечно, – добавила она, – если это не противоречит прямым указаниям отца. Я прошу прощения, мистер Марвин, за свою резкость, но все это время я нахожусь в таком ужасном состоянии, что уже почти не контролирую себя.

На несколько секунд она прикрыла глаза рукой. Мы, двое мужчин, переглянулись и замерли в ожидании. Ей удалось совладать со своими чувствами, и она продолжила более сдержанно:

– Пожалуйста, не подумайте, что я вам не благодарна за то, что вы приехали сюда, и к тому же так быстро. Я правда очень благодарна и полностью полагаюсь на ваше решение. Если вы хотите или считаете, что это необходимо, мы можем поговорить наедине.

Тут я встал, чтобы выйти, но мистер Марвин сделал предупредительный знак рукой. Было заметно, что ему пришлось по душе слова мисс Трелони. Его голос зазвучал более приветливо:

– Отнюдь, отнюдь! Со стороны вашего отца на этот счет не было никаких ограничений, я со своей стороны тоже не возражаю. На самом деле, может, так будет даже лучше. Исходя из того, что вы рассказали о болезни отца... и о других событиях, будет правильно, если мы с самого начала поймем, что все обстоятельства были четко оговорены в указаниях вашего отца. Прошу понять меня правильно, это очень четкие указания. Они настолько категоричны, что ему пришлось выписать мне доверенность, чтобы я мог действовать от его имени и наблюдать за точностью воплощения в жизнь его письменных инструкций. Заверяю вас, что он продумал каждую деталь, упомянутую в письме к вам! Пока он жив, он должен оставаться в своей комнате, и ничто из его вещей не должно быть вынесено из комнаты ни при каких обстоятельствах. Он даже составил список вещей, которые ни в коем случае нельзя двигать с места.

Мисс Трелони ничего не сказала. Кажется, последние слова адвоката ее поразили. Поэтому я вмешался, полагая, что правильно понял причину ее состояния:

– Можем ли мы увидеть список?

Лицо мисс Трелони на какой-то миг просветлело, но она тут же снова поникла, когда юрист ответил. Он явно был готов к этому вопросу, потому что ответ прозвучал сразу же:

– Только в том случае, если мне придется действовать на основании доверенности. Я принес этот документ с собой, – в его словах послышалась деловая хватка, которую я и

раньше замечал за ним по работе. Он передал документ мне в руки. – Вы увидите, мистер Росс, как четко там все изложено и что доверитель специально сформулировал свои требования таким образом, чтобы не оставить ни единой возможности превратного толкования. Здесь все написано им самим, за исключением некоторых юридических формальностей; и уверяю вас, вам еще не приходилось видеть документ, составленный с большим вниманием к деталям. Даже я не имею права ни на йоту смягчить инструкции, не нарушив при этом кодекс чести юриста, а это, разумеется, невозможно, – последние слова он добавил, очевидно, чтобы предотвратить любые воззвания к его личному мнению. Однако ему, похоже, показалось, что это прозвучало несколько резко, поэтому он поспешил добавить: – Я надеюсь, мисс Трелони, вы понимаете, что я всей душой хочу помочь облегчить ваши страдания, не выходя за рамки своих полномочий. Но ваш отец во всех своих действиях преследовал какие-то цели, суть которых он мне не открыл. Поэтому, насколько я понимаю, в его инструкциях нет ни одного слова, которое он не продумал бы досконально. Что бы ни было у него на уме, этому он посвятил всю свою жизнь, взвесил каждую деталь. Он был готов к встрече с неожиданностью в любую секунду. Боюсь, что мои слова причинили вам боль, и прошу за это прощения. Я же вижу, вам уже пришлось многое пережить, но у меня нет выбора. Если вам понадобится моя консультация по какому бы то ни было вопросу, даю вам слово, что в любое время дня и ночи приеду к вам. Вот мой домашний адрес, – он чиркнул несколько слов в своей записной книжке. – А внизу адрес клуба, где я обычно бываю по вечерам.

Он вырвал страницу и передал ее мисс Трелони. Она его поблагодарила, после чего он пожал руку ей и мне и вышел.

Как только за ним закрылась дверь, в комнату постучалась миссис Грант. Когда она вошла, нам в глаза бросилось выражение боли и растерянности, которое застыло на ее лице. Поднявшись, мисс Трелони с побледневшим лицом спросила:

– В чем дело, миссис Грант? Что-то случилось? Новые неприятности?

– Мне очень трудно приносить вам такие вести, мисс, но все слуги, за исключением двух, сообщили мне, что хотят сегодня же покинуть дом. Они все между собой обсудили и послали дворецкого заявить от имени остальных, что готовы отказаться от зарплаты и даже выплатить неустойку, но хотят уйти прямо сегодня.

– Чем они это объясняют?

– Ничем, мисс. Они говорят, что им очень неловко, но никаких объяснений не дают. Я спросила Джейн, горничную с верхнего этажа, которая не присоединилась к остальным и собирается продолжать работать, так вот, она рассказала мне по секрету, что по глупости своей они решили, будто в доме завелись призраки!

На это стоило бы рассмеяться, но нам было не до смеха. Глядя на мисс Трелони, я не мог смеяться. Новый приступ страха не отразился на ее лице, потому что оно было сковано болью и ужасом. Что касается меня, то мне показалось, что сейчас было произнесено вслух именно то, что все это время сверлило мое сознание, но в чем я боялся признаться даже самому себе. Однако даже сейчас я чувствовал, что какая-то мысль, еще более темная и глубокая, осталась невысказанной.

Глава VI Подозрения

Первой пришла в себя мисс Трелони. В ее голосе звучали гордость и презрение:

– Что ж, прекрасно! Пусть они уходят. Выдайте им деньги за работу по сегодняшней день включительно и добавьте месячную зарплату. До этого момента они проявили себя как хорошие слуги, и их увольнение вызвано исключительными обстоятельствами. Нельзя ожидать преданности от того, кто скован страхом. Тем, кто остался, оплата будет увеличена вдвое, и прошу вас прислать их ко мне сразу, как только понадобится.

Миссис Грант охватило негодование, которое, впрочем, она постаралась скрыть: ее душа домоправительницы протестовала против такого благородного отношения к сговорившимся между собой слугам:

– Они этого не заслуживают, мисс! Так поступить после такого к себе отношения! Да я в жизни не видела, чтобы к слугам кто-нибудь относился так же хорошо и обходительно, как вы! Они тут жили, как в королевском дворце, а только что-то случилось, тут же и хвосты поджали! Это гнусно, вот что я вам скажу!

Мисс Трелони была спокойна и сумела слегка охладить растревоженное чувство справедливости экономки, и та удалилась, настроенная менее воинственно. Через некоторое время она вернулась уже совсем в другом настроении и спросила мисс Трелони, распорядится ли та нанять новый штат слуг или, по крайней мере, попытается это сделать.

– Вы же знаете, мэм, – сказала она, – если среди слуг поселилось чувство страха, от него уже практически невозможно избавиться. Могут прийти новые люди, но и они сбегут так же быстро. Их ничто не удержит: даже если останутся отрабатывать свой обязательный месячный срок, они будут работать так, что вы пожалеете об этом своем решении. Женщины – стервы, но мужчины еще хуже!

Мисс Трелони ни голосом, ни видом не проявила беспокойства или возмущения:

– Мне кажется, миссис Грант, что нам лучше обойтись теми, кто остался. Пока мой отец болен, новых жильцов в доме не появится, так что помощь слуг понадобится лишь нам троим. Если тех слуг, которые остались, окажется недостаточно, я подыщу им помощь. Полагаю, будет несложно найти нескольких горничных, может, вы сможете порекомендовать кого-то. Прошу вас не забывать, что если те, кого вы найдете, подойдут нам и хорошо проявят себя, они будут получать столько же, сколько и те слуги, которые остались. Вы, миссис Грант, разумеется, понимаете, что я никоим образом не приравниваю вас к слугам, но ваше жалованье также будет удвоено.

Сказав это, она протянула экономке свою красивую руку, которую та пожала и, поднеся к губам, поцеловала, просто и свободно, как старшая женщина целует младшую. Я не мог не восхититься великодушием, с каким мисс Трелони относилась к слугам. Про себя я вслед за миссис Грант повторил замечание, высказанное ею вполголоса, когда она выходила из комнаты: «Неудивительно, что этот дом напоминает королевский дворец, когда хозяйка – настоящая принцесса!»

Принцесса! Вот оно! Эта мысль мгновенно успокоила мое сердце, лучом света высветив в памяти воспоминание о том моменте, когда я впервые увидел ее на балу на Белгрейв-сквер. Царственная осанка, высокий рост, стройность; фигура, все изгибы и движения которой напоминали прекраснейшую лилию или лотос! Ее пышное платье из тонкой черной ткани с проблесками золота! В волосах старинное египетское украшение – небольшой хрустальный диск, помещенный между двух перьев из ляпис-лазури. Ее запястье было украшено широким браслетом старинной работы в виде пары раскрывающихся крыльев, покрытых золотом, их перья были выполнены из самоцветов. Несмотря на любезность, с

которой она поздоровалась со мной, когда хозяйка бала представила нас друг другу, в тот миг я ее испугался. Только позже, во время пикника на реке, я осознал, как она благородна и прекрасна, и тогда мой благоговейный страх переродился в нечто большее.

Некоторое время она провела за письменным столом, то ли делая записи в дневнике, то ли составляя указания для слуг, потом отложила его и послала за оставшимися, преданными ей слугами. Я посчитал, что ей будет лучше разговаривать со слугами без меня, поэтому вышел из комнаты. Вернувшись, в ее глазах я заметил следы слез.

Следующий эпизод, в котором я принимал активное участие, был еще более неприятным и намного более болезненным. Ближе к вечеру в мой кабинет вошел сержант Доу. Аккуратно закрыв за собой дверь и удостоверившись, что мы одни, он подошел ко мне.

– Что случилось? – спросил его я. – Кажется, вы хотите поговорить со мной наедине?

– Совершенно верно, сэр! Могу ли я рассчитывать, что наш разговор останется между нами?

– Разумеется! Во всем, что касается мисс Трелони и, естественно, мистера Трелони вы можете быть со мной абсолютно откровенны. Я полагаю, мы оба хотим им только добра и сделаем для этого все, что в наших силах.

Некоторое время он не решался начать.

– Вам, конечно, известно, что у меня есть определенные обязанности, и, полагаю, вы достаточно хорошо меня знаете, чтобы понимать, что я их выполняю. Я – полицейский, детектив, и в мои обязанности входит трезво и объективно выяснять факты любого порученного мне дела. Я бы предпочел поговорить с вами с глазу на глаз, не думая об обязательствах перед кем-либо, кроме моих перед Скотленд-Ярдом, разумеется.

– Конечно, конечно! – автоматически ответил я. Мое сердце заколотилось, сам не знаю почему. – Будьте полностью со мной откровенны. Обещаю, что все сказанное здесь останется между нами.

– Благодарю вас, сэр. Надеюсь, о нашем разговоре не узнает никто, ни мисс Трелони, ни даже мистер Трелони, когда придет в сознание.

– Безусловно, если вы ставите такое условие! – сказал я более холодно.

Детектив, похоже, уловил перемену в моем голосе, поэтому извиняющимся тоном произнес:

– Прошу прощения, сэр, я выхожу за рамки своих полномочий, разговаривая с вами. Но я давно вас знаю и поэтому считаю, что могу доверять вам. Не вашему слову, сэр, а вашей проницательности!

Я кивнул и попросил его продолжать. Он тут же начал свой рассказ:

– Я размышлял над этим делом снова и снова, пока у меня не начал заходить ум за разум. Однако я не могу найти какого-либо разумного объяснения. Во время каждого покушения никто, похоже, не входил в дом и уж точно не выходил из него. Какой из этого можно сделать вывод?

– Что кто-то или что-то уже находилось в доме, – улыбнулся я, хотя на душе у меня было совсем не весело.

– Именно так и я подумал! – воскликнул он, явно почувствовав облегчение. – Замечательно! Кто бы это мог быть?

– Кто-то или что-то, как я уже сказал, – ответил я.

– Допустим, что это был «кто-то», мистер Росс! Кот, конечно, мог поцарапать или укусить, но не мог вытащить человека из кровати и попытаться снять с его запястья браслет с ключом. Такое предположение годится лишь для романов, где частные детективы, которые могут назвать имя преступника еще до того, как свершилось само преступление, рассматривают такую возможность как вероятную. Но у нас, в Скотленд-Ярде, работают не идиоты, и

мы считаем, что, если совершается преступление или попытка преступления, преступником является человек.

– Тогда допустим, что это был человек, сержант.

– Мы решили, что это «кто-то», сэр!

– Ну, хорошо, пусть будет «кто-то».

– А вас не удивило, что во всех трех случаях, когда было совершено насилие или попытка насилия, один и тот же человек оказывался на месте происшествия первым и поднимал тревогу?

– Дайте подумать! Мисс Трелони подняла тревогу в первый раз, во второй раз на месте был я сам, хотя почти сразу заснул, и сестра Кеннеди. Когда я проснулся, в комнате было полно народу, включая и вас. Насколько я помню, мисс Трелони тогда опять же появилась в комнате раньше вас. В третий раз я был с мисс Трелони, но она упала в обморок. Я вынес ее из комнаты, но потом вернулся, так что первым на месте оказался я. Если мне не изменяет память, то сразу за мной там появились вы.

Прежде чем ответить, сержант Доу на секунду задумался:

– Она либо присутствовала, либо оказывалась первой в комнате во всех трех случаях. Раны были нанесены лишь в первый и второй раз!

Я как юрист сразу понял, какой вывод последует. Мне показалось, что лучше сразу назвать вещи своими именами, поскольку лучший способ опровергнуть предположение – это высказать его в форме утверждения.

– Вы хотите сказать, что, поскольку в тех случаях, когда действительно были нанесены раны, мисс Трелони оказывалась на месте происшествия первой, это либо она сделала, либо каким-то образом связана с преступлением?

– Я не осмелился сделать такие однозначные выводы, но именно в этом кроется причина моих сомнений, – сержант Доу был мужественным человеком: его не пугали выводы, следовавшие из его умозаключения.

Какое-то время никто из нас не проронил ни звука. В моей душе зародился страх. Это не были сомнения относительно мисс Трелони или ее поступков – я боялся, что ее действия могут быть поняты неправильно. Где-то здесь крылась некая загадка, и если она не будет разгадана, придется искать подозреваемого. Большинство в таких случаях идет по линии наименьшего сопротивления. Если удастся доказать, что смерть мистера Трелони, коль таковая последует, принесет кому-либо выгоду, перед лицом подозрительных фактов кому угодно будет непросто доказать свою невиновность. Мои мысли инстинктивно выстроились в таком порядке, который наиболее удобен для защиты, пока обвинение еще не выдвинуто. В настоящее время я не собирался опротестовывать какие бы то ни было теории, которые могут прийти в голову детективу. Когда настанет время применить свои силы и опровергнуть эти теории, я с готовностью использую все свои юридические навыки и доступные мне средства.

– Я уверен, вы, не опасаясь последствий, несомненно, поступите так, как велит вам долг, – сказал я. – Что вы планируете предпринять?

– Я пока не решил, сэр. Понимаете, у меня еще даже нет подозреваемого. Если бы мне кто-нибудь сказал, что милая юная девушка причастна к такого рода делу, я бы счел его глупцом. Но мне приходится считаться с собственным заключением. Я хорошо знаю, что таким же с виду невинным людям выносился обвинительный приговор, когда весь суд, за исключением обвинения, которое знает факты, и судьи, который обязан выжидать, готов был подписаться под оправдательным вердиктом. Меньше всего мне хотелось бы причинить зло этой молодой леди, тем более когда на ее долю выпало такое горе. Можете быть уверены, что с моих уст не слетит ни слова, способного кого бы то ни было натолкнуть на мысль о ее вине. Именно поэтому я разговариваю с вами конфиденциально, как мужчина с женщиной. Вы прекрасно умеете доказывать, в этом и состоит ваша профессия. В мои же обязанности

входит лишь подозревать, основываясь на том, что мы называем для себя доказательствами, хотя на самом деле это улики. Вы знаете мисс Трелони лучше, чем я, и, хотя я могу осматривать комнату или перемещаться по дому как мне угодно, у меня нет таких возможностей, как у вас (ведь вы знакомы с ней лично и знаете, чем и как она живет), что подсказало бы мне суть ее действий. Если я попытаюсь разузнать что-нибудь у нее напрямую, это тут же вызовет у нее подозрения. И тогда, если она виновна, шансов доказать это не останется. Она легко сможет извратить факты. Но если же она невиновна, на что я всей душой надеюсь, будет чрезвычайно жестоко выдвигать ей подобные обвинения. Я по мере сил обмозговал это дело, прежде чем обратиться к вам, сэр, и, если позволил себе лишнее, прошу меня извинить.

– Вам абсолютно не за что извиняться, Доу, – искренне сказал я, так как смелость, откровенность и предупредительность этого человека заслуживали всяческого уважения. – Я рад, что вы были со мной так откровенны. Мы оба хотим докопаться до правды, а в этом деле столько странного (настолько странного, что не поддается обычному осмыслению), и единственный способ что-то прояснить – это добиться истины, какими бы ни были наши взгляды и цели.

Сержанту, похоже, понравились мои слова, поскольку он продолжил уже более уверенно:

– Поэтому я и понял, что доказательства будут накапливаться постепенно. По крайней мере, в голову начнут приходить кое-какие соображения, которые помогут нам определиться. Потом мы придем к заключению или, по крайней мере, отбросим все маловероятные версии, так что останется лишь одна, наиболее близкая к истине. Если не к истине, то к тому, что мы считаем истиной. После этого нам, пожалуй, придется...

В эту секунду распахнулась дверь и в комнату вошла мисс Трелони. Увидев нас, она тут же поспешно отступила назад, говоря:

– О, прошу прощения! Я не знала, что вы здесь занимаетесь делами.

Когда я поднялся, она уже почти вышла из комнаты.

– Прошу вас, заходите, – сказал я. – Мы с сержантом Доу просто обсуждали ситуацию.

Пока она колебалась, входить или нет, появилась миссис Грант, сообщившая о прибытии доктора:

– Мисс, приехал доктор Винчестер. Он хочет поговорить с вами.

Я подчинился просьбе, содержащейся во взгляде мисс Трелони, и из комнаты мы вышли вдвоем.

Проведя осмотр, доктор сказал нам, что никаких изменений как будто не произошло, и добавил, что все равно хотел бы провести эту ночь в доме. Мисс Трелони это обрадовало, и она велела миссис Грант приготовить для него комнату. Чуть позже, когда мы случайно остались с ним наедине, он неожиданно сказал:

– Я решил остаться здесь сегодня, потому что хотел поговорить с вами. Поскольку лучше разговаривать без свидетелей, мне показалось, что это меньше всего вызовет подозрений, если вечером мы выкурим вместе по сигаре, когда мисс Трелони будет в комнате отца.

Мы по-прежнему придерживались такого графика дежурства, когда рядом с больным всю ночь должны были дежурить либо его дочь, либо я. Встретиться мы условились лишь рано утром. Это меня тревожило, поскольку детектив в разговоре со мной упомянул, что желает лично, оставаясь незамеченным, проследить за ситуацией и что именно в это время собирается быть особенно начеку.

Прошедший день был небогат событиями. Мисс Трелони поспала днем и после обеда отправилась сменить сестру. Миссис Грант оставалась с ней, в то время как сержант дежурил в коридоре. Доктор Винчестер и я пили кофе в библиотеке. Когда мы закурили сигары, он не спеша заговорил:

– Теперь, когда мы остались наедине, я бы хотел поговорить с вами конфиденциально. Мы с вами, конечно, связаны событиями, произошедшими здесь.

– Разумеется! – согласился я, но внутри у меня все похолодело, поскольку еще свеж был в памяти утренний разговор с сержантом Доу, оставивший ощущение тревоги и мучительных подозрений.

Доктор продолжил:

– Этот случай проверил на стойкость психику каждого из нас. Чем больше я обо всем этом думаю, тем безумнее все кажется, а две нити, каждая из которых становится все крепче, расходятся в противоположные стороны.

– Какие две нити?

Прежде чем ответить, он внимательно посмотрел на меня. В такие моменты прямой взгляд доктора Винчестера мог привести в замешательство. Это бы и произошло со мной, если бы дело касалось лично меня, не считая моего интереса к мисс Трелони. Так что я спокойно выдержал его взгляд. Сейчас в этом деле я исполнял роль адвоката. С одной стороны, я был *amicus curiae*⁴, а с другой – представлял интересы лица, попавшего под подозрение. Мысль о том, что в голове этого совсем не глупого человека возникли две версии, одинаково верные, но расходящиеся в разные стороны, уже сама по себе успокоила мою тревогу, вызванную ожиданием новых нападков. Когда доктор заговорил, на его лице появилась необъяснимая улыбка, которая по ходу рассказа уступила место сосредоточенно-серьезному выражению:

– Две нити: факты и... фантазии! К первой относится все: нападения, попытки ограбления и убийства, доведение до состояния невменяемости, подстроенная каталепсия, вызванная либо умышленным гипнозом и специальным наведением на определенные мысли, либо простым использованием яда, пока еще неизвестного токсикологам. Ко второй же относится некоторое воздействие, оказанное на людей. Воздействие, которое не описано ни в одной из известных мне книг, кроме романтической литературы. Еще никогда в жизни я так не чувствовал правоту слов Гамлета: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».

Давайте рассмотрим факты. Человек в своем доме, он окружен домочадцами, в доме полно слуг разного уровня, и это доказывает невозможность организованного заговора со стороны прислуги. Человек богат, образован, умен. Физиогномический осмотр показывает, что он, без сомнения, мужчина железной воли, который знает, чего хочет. Дочь, его единственный ребенок, насколько я понимаю, девушка яркая и умная, спит в соседней комнате. Нет никаких видимых причин для нападения или вообще любого другого нарушения спокойствия. Да и кто-нибудь посторонний вряд ли смог бы проникнуть в дом незамеченным. Но все же нападение совершено, жестокое и беспощадное нападение посреди ночи. Об этом становится известно очень быстро. Настолько быстро, что в уголовных делах такое обычно называют не случайностью, а преднамеренным замыслом. Нападавшего или нападавших вспугнули как раз в тот момент, когда те собирались закончить свое дело, какими бы ни были их намерения. Однако никаких следов их бегства не найдено: ни улики, ни беспорядка, ни открытой двери или окна, ни шума. Ничто не указывает на то, кто мог совершить преступление, и даже на то, что вообще что-либо совершено; кроме жертвы и ее окружения.

Следующей ночью попытка повторяется, несмотря на то что дом полон обеспокоенных бдительных людей, в комнате и рядом с ней дежурят офицер полиции, опытная сестра, преданный друг и родная дочь жертвы. Сестра впадает в состояние каталепсии, а недремлющего друга, хотя и защищенного респиратором, охватывает глубокий сон. Даже детектив

⁴ *Amicus curiae* – не участвующее в деле лицо, которое обращает внимание суда высшей инстанции на необходимость пересмотра решения суда низшей инстанции.

подвергается такому влиянию и вдруг открывает стрельбу из пистолета в комнате больного, хотя даже не может с уверенностью сказать, во что же он стрелял. Ваш респиратор, пожалуй, единственное, что относится к категории фактов. То, что ваше сознание не помутилось, как у других (причем глубина помутнения сознания каждого пропорциональна количеству времени, проведенного им в комнате), указывает на возможную вероятность того, что одурманивающее воздействие носило не гипнотический характер. Однако опять же мы сталкиваемся с фактом, вызывающим противоречие. Мисс Трелони, которая находилась в комнате дольше вас всех – она постоянно заходила туда и, кроме того, оставалась там во время своего дежурства, – как будто вовсе не пострадала от этого воздействия. Это доказывает, что воздействие, чем бы оно ни было, избирательно, если, конечно, у нее не выработался, так сказать, иммунитет. Если окажется, что все дело в странных испарениях, идущих от этих древнеегипетских предметов, это сможет послужить правдоподобным объяснением. Однако тогда мы оказываемся лицом к лицу с фактом, что мистер Трелони, который провел в комнате больше всех времени, фактически прожил там большую часть своей жизни, был поражен сильнее остальных. Что это за воздействие, которое приводит к столь разным и даже противоречивым последствиям? Нет, определенно, чем больше я думаю об этой дилемме, тем менее понятной мне кажется ситуация! Даже в том случае, если физическое нападение на мистера Трелони совершил кто-то из живущих в доме, кто не попадает в число подозреваемых, одурманивание все еще остается загадкой. Не так-то просто погрузить человека в состояние каталепсии. Фактически, насколько известно современной науке, не существует способа добиться такого эффекта по желанию. Самая большая загадка в этом деле – мисс Трелони, которая как будто не пострадала ни от одного из воздействий или, возможно, разных видов одного и того же воздействия. Каждый раз она оставалась невредимой, за исключением единственного случая с полубомбочным состоянием. Вот что самое странное!

Я вслушивался в его слова с замиранием сердца. Его тон не был обличающим, и говорил он, не выражая подозрения, но было что-то тревожащее в его доводах. Хотя приведенные аргументы не были столь же прямыми, как подозрения детектива, они выделяли мисс Трелони из остальных, а в загадках подобного рода быть одному означает неминуемо попасть под подозрение, если не сразу, то в конечном итоге. Мне показалось, что лучше ничего не говорить. В таком деле молчание – действительно золото. Чем меньше я скажу сейчас, тем меньше мне придется защищаться, давать объяснения или отказываться от своих слов в будущем. В душе я был рад, что его изложение мыслей не подразумевало каких бы то ни было моих ответов. По крайней мере, сейчас. Доктор Винчестер, похоже, и не ждал от меня ответов. Когда я это понял, у меня отлегло с души, сам не знаю почему.

Некоторое время он сидел молча, подперев подбородок рукой, нахмутив брови, глядя в пустоту. Сигара непонятно каким образом держалась в его пальцах: он уже давно про нее забыл. Ровным голосом, как будто начиная с того самого места, где остановился, он продолжил свои рассуждения:

– Вторая сторона данной дилеммы – совершенно другое дело. Если мы решимся серьезно заняться ею, нам придется забыть все, что имеет отношение к науке и опыту. Признаться, она имеет свою притягательность для меня, хотя с каждым новым умозаключением я ухожу в такие фантазии, что приходится одергивать себя и возвращаться к неоспоримым фактам. Иногда я начинаю подозревать, что флюиды или эманации из комнаты больного и на меня оказали свое воздействие, как на всех остальных, на детектива, например. Конечно же, может оказаться, что если все дело в химии, если, скажем, были задействованы какие-нибудь наркотики в форме испарений, то воздействие может быть проникающим. Но с другой стороны: что может дать подобный эффект? Комната, я знаю, наполнена запахами мумий, что неудивительно, если принять во внимание количество хранящихся там предметов старины, извлеченных из могил, да еще и настоящая мумия животного, на которую напал Силь-

вио. Кстати, завтра я его проверю. Я нашел мумию кошки в одном из музеев, и утром она будет в моем распоряжении. Когда я ее принесу, мы узнаем, могут ли сохраниться видовые инстинкты после нескольких тысяч лет смерти. Однако вернемся к делу. Запах мумий обусловлен присутствием неких веществ и комбинаций веществ, которые (как на основании многовекового опыта полагали древнеегипетские жрецы, самые образованные люди, ученые своего времени) способны блокировать природные процессы разложения. В действие должны вступить очень мощные силы, и вполне вероятно, что здесь мы столкнулись с редкими веществами и соединениями, свойства и могущество которых были забыты в более поздние прозаические времена. Интересно, обладал ли мистер Трелони какими-либо знаниями в этой области, были ли у него какие-либо подозрения? Одно я знаю наверняка: худшую атмосферу для комнаты, в которой находится больной, трудно представить, и я полностью поддерживаю решение сэра Джеймса Фрере отказаться от работы в таких условиях. Письмо с инструкциями, которое мистер Трелони адресовал своей дочери, и, судя по тому, что вы рассказали мне, настойчивость, с которой он добивался неукоснительного выполнения своих требований, прибегнув даже к помощи юристов, доказывает, что он, по меньшей мере, о чем-то догадывался. Знаете, создается такое впечатление, что он даже ожидал чего-то подобного... Интересно, сможем ли мы узнать что-нибудь об этом? Конечно, его бумаги помогли бы нам или хотя бы подтолкнули в нужном направлении... Это будет непросто, но необходимо. Он не может все время оставаться в своем нынешнем состоянии. Если что-нибудь случится, начнется следствие, и тогда самой тщательной проверке будет подвергнута каждая мелочь. Полицейское расследование покажет, что было совершено несколько покушений на убийство, а поскольку никаких улик не оставлено, придется искать хотя бы мотивы.

Доктор замолчал. Чем дольше он говорил, тем тише становился его голос, как будто от отчаяния. Во мне созрела уверенность, что настало подходящее время узнать, имеются ли у него какие-либо определенные подозрения. Как будто в ходе обсуждения я спросил:

– Вы кого-нибудь подозреваете?

В его взгляде, брошенном на меня, читался скорее испуг, чем удивление.

– Кого-нибудь? Вы, наверное, имели в виду что-нибудь. Я, безусловно, подозреваю, что было оказано некое влияние, но в данный момент этим мои подозрения и ограничиваются. Позже, если мои умозаключения или предположения как-то подтвердятся или конкретизируются, я смогу подозревать. Сейчас же у меня нет достаточных сведений, чтобы...

Он вдруг прервался и посмотрел на дверь. Тихо повернулась ручка. Сердце у меня в груди замерло в предчувствии чего-то недоброго. Тут же в памяти всплыли обстоятельства, при которых был прерван наш утренний разговор с детективом.

Дверь отворилась, и в комнату шагнула мисс Трелони. Увидев нас, она отступила на шаг, лицо ее покраснело. Несколько секунд она колебалась (в такие моменты несколько секунд начинают растягиваться в геометрической прогрессии, каждая последующая становится длиннее предыдущей). Когда она заговорила, напряжение, охватившее нас с доктором, спало:

– О, прошу меня простить, я не знала, что вы заняты. Я искала вас, доктор Винчестер. Я хотела спросить, могу ли я сегодня спокойно отправиться спать, если вы останетесь с нами. Я так устала и измучена, что боюсь, как бы не потерять сознание. Сегодня проку от меня наверняка не будет.

Доктор Винчестер не задумываясь поддержал ее:

– Конечно! Конечно же, отправляйтесь в постель и хорошенько выспитесь этой ночью. Бог свидетель – вам это необходимо. Я рад, что вы сами обратились ко мне с этим вопросом, потому что, когда я вас сегодня увидел, я подумал, что у меня на руках окажется еще один пациент.

Она облегченно вздохнула, отчего усталость будто исчезла с ее лица. Никогда я не забуду глубокий, искренний взгляд ее прекрасных черных глаз, когда она обратилась ко мне:

– Не могли бы вы подежурить у отца с доктором Винчестером сегодня ночью? Я так за него переживаю, что каждая секунда оборачивается для меня новым ужасом. Но я правда страшно устала. Если не высплюсь, то, наверное, сойду с ума. Сегодня я лягу в другой комнате, потому что, если останусь в прежней, рядом с отцом, от любого шороха у меня будет останавливаться сердце. Разумеется, вам придется меня разбудить, если случится что-нибудь непредвиденное. Я буду в спальне маленькой анфилады, которая рядом с будуаром напротив холла. Когда я только переехала в дом отца, я жила там. Мне было там так спокойно... Там будет проще отдохнуть, и я, возможно, смогу на пару часов забыться. Утром я буду полна сил. Спокойной ночи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.